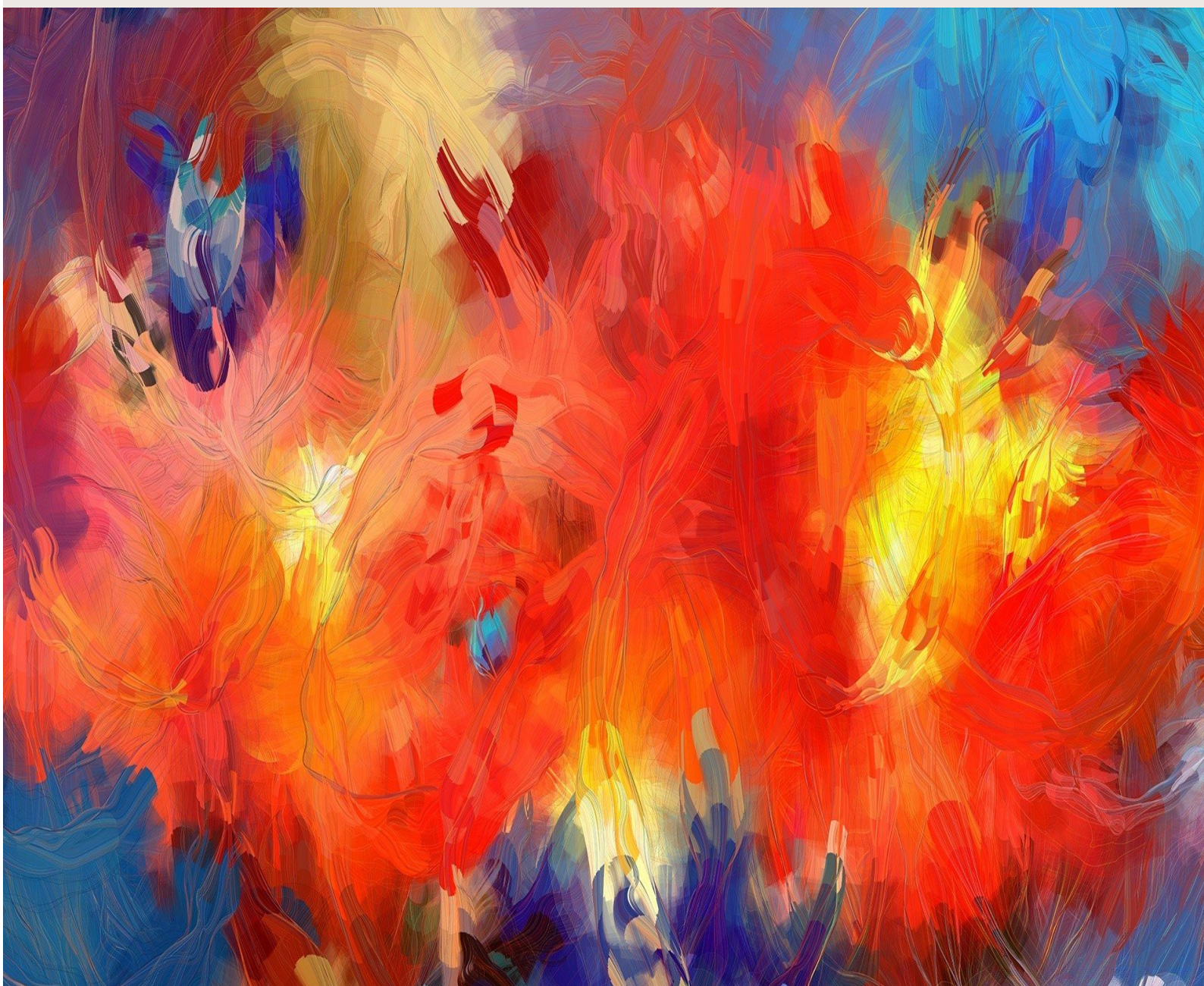

Россия и Азия

№ 3 (17), 2021

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 3 (17), 2021 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом инновационной политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Родионова И. А.

О развитии процесса цифровизации и позициях китайских компаний среди крупнейших ТНК мира

7

Ахмед Надир Надир Ахмед

Экономика Ирака: возможности восстановления в условиях экономических санкций

24

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**Шахигулин А. С.**

Сотрудничество Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам в сфере туризма и перспективы его дальнейшего развития в условиях кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*

33

Золотова Е. В.

Экономическая помощь устойчивому развитию: ОАЭ поддерживают страны Союза Арабского Магриба

47

Исаев М. Н.

Инновационное сотрудничество Китая и России: современные особенности и проблемы

56

ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Чидимма Р. Н., Берхан Д. С., Зайнуллин С. Б.

Стратегии достижения успешных переговоров в промышленной рыночной экономике в условиях пандемии коронавируса

65

Content**DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES****Rodionova I. A.**

About the development of the digitalization process and the positions of Chinese companies among the largest TNCs in the world 7

Ahmed Nadir Nadir Ahmed

Iraq's Economy: recovery opportunities under economic sanctions 24

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**Shakhigullin A. S.**

Cooperation between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam in the field of tourism and prospects for its further development in the context of the crisis caused by the *COVID-19* pandemic 33

Zolotova E. V.

Economic assistance to sustainable development: The UAE supports the countries of the Arab Maghreb Union 47

Isaev M. N.

Innovative cooperation between China and Russia: modern features and problems 56

ECONOMY: THEORY AND HISTORY**Chidimma R. N., Berhane D. S., Zainullin S. B.**

Strategies to achieve a successful negotiations in the industrial market economy on conditions of coronavirus pandemic 65

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

О развитии процесса цифровизации и позициях китайских компаний среди крупнейших ТНК мира

Родионова Ирина Александровна¹

Статья посвящена анализу тенденций развития цифровой экономики на примере Китая через призму выявления роста значения в мировой экономике китайских ТНК на основе данных Fortune Global 500 об объемах продаж крупнейших ТНК мира.

Проведен контент-анализ имеющихся источников ЮНИДО, ЮНКТАД, Научного фонда США, Fortune Global 500, использованы данные статистики, применен сравнительный анализ характеристик крупнейших ТНК мира для выявления позиций китайских корпораций в динамике за ряд лет.

Сделан вывод о том, что китайская экономика и китайские ТНК занимают прочные позиции в глобальной экономике. В рейтинге 500 крупнейших ТНК мира быстрыми темпами росло не только количество китайских корпораций (и они теперь опережают прежнего лидера США), но и объемы продаж крупнейших корпораций Китая, в том числе и за счет того, что китайская экономика вышла на лидирующие позиции в мире, как в производстве промышленной продукции, так и в международной торговле.

Ключевые слова: *Китай, обрабатывающая промышленность, ТНК, Global 500, наукоемкие и высокотехнологичные отрасли (КТИ), отрасли с высокой интенсивностью исследований и разработок, отрасли со средней интенсивностью исследований и разработок.*

JEL коды: F23, F62.

Введение

Цифровизация экономики в современном мире рассматривается как движущая сила инновационного развития и экономического роста. Вне всякого сомнения, в некотором роде катализатором данного процесса стала даже объявленная Всемирной организацией здравоохранения пандемия при распространении по всему миру коронавируса *COVID-19* и его модификаций, унесшая в последние 2 года тысячи человеческих жизней. Именно в условиях пандемии многие компании и предприятия, а также школы и вузы, вынуждены были перейти в режим дистанционной работы. Во всех странах мира выросли масштабы виртуальных услуг, Интернет-торговли и т.д. Эти процессы значительно затронули и Китай.

¹ Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Еще в 2002 г. в своем докладе на XVI Всекитайском съезде КПК Цзян Цзэминь, тогдашний генеральный секретарь ЦК Компартии Китая (КПК), указал, что в первое двадцатилетие нынешнего века китайцы должны заняться строительством среднезажиточного общества «сяокан». Оно будет отличаться развитой экономикой, передовой наукой и просвещением, процветающей культурой, глубокой гармонией и обеспеченной жизнью народа, живущего в условиях совершенной демократии. Благодаря построению общества «сяокан» и дальнейшим усилиям, «можно будет к середине нынешнего века закончить в основном модернизацию и превратить нашу страну в богатую, могущественную, демократическую и цивилизованную социалистическую державу» (Цит. по: Войцехович, 2018). Можно утверждать, что в активный словарь китайской политики понятие «сяокан» вошло «с легкой руки» генерального архитектора китайских реформ Дэн Сяопина, который в 1979 г., во время встречи с тогдашним премьер-министром Японии Масаеси Охирэ, использовал этот термин (Китайский информационный Интернет-центр, 2001).

На ближайшее будущее основополагающей целью развития Китая заявлено построение «общества Великого единения (Да Тун)» к 2049 г. (к столетнему юбилею создания КНР). Формирование этого общества произойдет благодаря глубокой реорганизации экономики и государственного управления страны, а его основой останется сочетание рыночных инструментов с системой стратегического государственного планирования. Это сочетание обеспечит достижение баланса между высоким материальным уровнем жизни и социалистическими общественно-социальными нормами общества. Таким образом, фактически продолжается процесс формирования уникальной китайской модели «рыночного социализма». Председатель КНР Си Цзиньпин считает, что задача по созданию богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства будет выполнена.

Согласно официальным данным, номинальный ВВП Китая (14,5 трлн долл., 2020 г.) еще уступает данному показателю в США (19,1 трлн долл.), но по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности валют, китайская экономика уже превзошла американскую (23,0 и 19,85 трлн долл. соответственно, 2020 г.) (UNCTAD). Китай также выступает мировым лидером по производству продукции обрабатывающей промышленности (*manufacturing value added*) с долей в мировом выпуске в 31,7% в 2020 г., что составило 4,0 трлн долл. в ценах 2015 г. (для сравнения: США — 2,0 трлн долл., или 16,0% от мирового показателя) (UNIDO Statistics Data Portal. MVA 2021). КНР занимает также лидирующее положение в мире по объему внешней торговли. По итогам 2020 г. показатель составил 4,65 трлн долл. при положительном сальдо внешней торговли (экспорт 2,59 трлн долл., импорт — 2,06 трлн долл.). Стоит напомнить, что с 1970 г., когда внешняя торговля формировала лишь 2,5% национального ВВП, товарооборот рос быстрыми темпами. К 1987 г. он достигал уже 12%, а по итогам 2006 г. составил 35,6% ВВП Китая. Но в дальнейшем рост отмечался лишь в абсолютных показателях внешнеторгового оборота страны (как в денежных, так и в натуральных), но в структуре ВВП его вклад стабильно снижался (до 18% к 2020 г.). Это — свидетельство роста благосостояния населения страны и развития внутреннего рынка (Запольскис, 2021).

Китай превратился ныне в одну из крупнейших цифровых экономик в мире. На фоне почти миллиарда интернет-пользователей продажи в сфере электронной коммерции в Китае выросли до 1,7 трлн долл. США в 2020 г., что эквивалентно 30% всех розничных продаж в

стране. Это не только статистика, это прежде всего история инноваций и прорывов (Тошаков, 2021).

По нашему убеждению, одним из видимых свидетельств полномасштабного развития процесса цифровизации может служить и вводимая в стране система социального кредита (ССК), которая из стадии эксперимента в городе Жунчэнь (с населением около 700 тыс. человек) переходит в Китае на общенациональный уровень. «В Китае начинается переход к коммунистическому обществу с национальной ханьской спецификой», — комментирует обозреватель *Telegram*-канала «Незыгарь» (Цифровой тоталитаризм с человеческим лицом). В стране принят первый в истории КНР Гражданский кодекс, который узаконил ССК. Подготовка к введению этой системы проводилась с 2010 г.

Однако мировое сообщество (как и российское) разделилось во мнении относительно проводимой властями КНР подобного рода социальной политики. Одна из сторон фиксирует в некотором роде нарушение прав человека, что вытекает из тоталитарного контроля за жизнедеятельностью населения, когда вводится балльная система оценки добрых или (напротив) антиобщественных поступков граждан страны (Ваганов, 2021). Другая же сторона считает введение системы социального доверия в стране с полутора миллиардным населением явным свидетельством высокого уровня цифровизации экономики и общественной жизни в Китае (своего рода одобряемой населением страны «цифровой тоталитарной реальности»).

Китайцы быстро учатся у стран Запада. Они даже зачастую обходят их в многочисленных международных рейтингах (Аналитический доклад «Россия в международных рейтингах»). Напомним, кстати, что в последнем рейтинге Глобальной конкурентоспособности ведущих мировых экономик (*IMD World Competitiveness Ranking*) Китай разместился на 16-й позиции (США на 10-й, а Россия — на 45-й из 64-х) (*IMD World Competitiveness Ranking 2021*). А в Глобальном инновационном рейтинге 2021 г. (*Global Innovation Index*), содержащем результаты анализа инновационных систем 132 стран мира и их рейтинг по уровню инновационного развития, Китай разместился на 12-й позиции (для сравнения: США на 3-й, Япония — на 13-й, а Россия на 45-й) (*Global Innovation Index 2021*).

Иными словами, в Китае строят общество с «национальной спецификой», учитывая опыт более развитых стран. При этом никто уже не станет отрицать реальные успехи Китая в цифровой трансформации экономики. Среди общих сведений о развитии цифровой экономики в этой стране эксперты отмечают следующее: активный рост в 2000-х гг. (развитие инфраструктуры высокоскоростного интернета, позже — «революция» смартфонов). Доля цифровой экономики достигла 5% ВВП (выше среднемировых значений). В Китае создан крупнейший рынок онлайн-торговли (свыше 1 трлн долл.), крупнейший рынок потребительских финтех-услуг. Особо выделяются 3 доминирующие многопрофильные компании-суперплатформы (*Baidu, Alibaba, Tencent*) и целый ряд сверхкрупных молодых компаний (*JD.com Pinduoduo, Meituan Dianping*) и т.д. (Данилин, 2018).

Согласно Отчету о развитии интернета в Китае в 2021 г., опубликованному Китайской академией исследований киберпространства, по итогам 2020 г. объем цифровой экономики КНР достиг 39,2 трлн юаней (6,13 трлн долл.), сохранив темпы роста в годовом исчислении на уровне 9,7% и став важной движущей силой для стабилизации роста экономики (Цит. по: Пин Лунь, 2021).

Исследователи отмечают: «По состоянию на конец июня 2021 г. уровень цифрового управления ключевыми процессами и коэффициент распространения цифровых инструментов для разработок и проектирования в ключевых областях обрабатывающей промышленности Китая составили 53,7% и 73,7% соответственно, а уровень удовлетворения спроса на интеллектуальное производственное оборудование на внутреннем рынке превысил 50%» (Пин Лунь, 2021). В документе «Основные положения 14-й пятилетней программы народно-хозяйственного и социального развития и перспективных целей развития на период до 2035 года» (XIV пятилетний план..., 2021), опубликованном 13 марта 2021 г., выдвинут тезис — «создание новых преимуществ в цифровой экономике». При этом Китай отводит особо важное место фундаментальным исследованиям. В 2020 г. расходы на подобного рода исследования составили 6,16% от общих расходов страны на НИОКР. Они вырастут до 280 млрд юаней (в постоянных ценах 2020 г.) (Ли, Лу, 2021).

В целом же по расходам на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) в абсолютном выражении в расчете по паритету покупательной способности национальных валют Китай находится ныне на 2-й позиции в мире после США (525,7 млрд долл. и 657,5 млрд долл. соответственно, 2019 г.). На 3-й позиции — Япония (173,3 млрд долл.), и только на 9-й позиции в мире по расходам на НИОКР находится Россия (44 млрд долл.). Глобальные расходы на НИОКР (*R&D*) в Китае утроились — с 726 млрд долл. в 2000 г. до примерно 2,4 трлн долл. в 2019 г. Только на две страны — США (27 %) и Китай (22%) — приходится около 1/2 мировых НИОКР (Индикаторы науки: 2021) (The State of U.S. Science and Engineering 2022).

Далее из опубликованных китайских материалов следует, что в рамках заявленных государственных планов в Китае крупные компании-суперплатформы в партнерстве с региональными властями, бизнесом и университетами намерены развивать передовую цифровую инфраструктуру и инфраструктуру инноваций. О масштабной программе развития программно-аппаратной базы и инфраструктуры облачных технологий заявила китайская корпорация *Alibaba* (200 млрд юаней, около 28 млрд долл.). Эта компания оперирует в секторе Интернет-торговли и находится на 63-м месте в рейтинге 500 крупнейших по объемам продаж мировых ТНК (*Fortune Global500*). Инвестиционная холдинговая компания *Tencent Holdings* (132-я позиция в рейтинге *Fortune Global500*) предполагает вложить 500 млрд юаней (около 70 млрд долл.) в последующие 5 лет в разработку инновационно-технологической инфраструктуры в сфере облачных вычислений, искусственного интеллекта, квантовых вычислений (Данилин, 2020). Дочерние компании *Tencent*, как в самом Китае, так и в других странах мира, специализируются на различных областях высокотехнологичного бизнеса, в том числе в различных интернет-сервисах, разработках в области искусственного интеллекта и электронных развлечений.

Среди основных эффектов цифровой трансформации отраслей и образующих их предприятий можно выделить: повышение показателей выручки и доли на рынке, удовлетворенность клиентов, расширение номенклатуры продуктов; повышение эффективности и результативности, снижение издержек или себестоимости продукции, улучшение ее качества и др. Согласно прогнозу *Global Industry Vision*, подготовленному китайской компанией *Huawei* (*Huawei Investment & Holding*), к 2025 г. 97% крупных предприятий в мире будут использовать передовые цифровые технологии в своих производственных и бизнес-процессах (Цит. по: Тощаков, 2021).

Глубокими исследованиями о деятельности современных ТНК в мире и роли их в мировой экономике являются работы Синцера Л. М. (2021) и Калашникова Д. Б. (2019). Очень интересна и информативна работа коллектива авторов «На пути к Китайскому миру» (2018). В монографии «ТНК Китая в модернизации национальной экономики» (2019) автор раскрывает тезис о том, что по масштабам и скорости развития процессов модернизации экономики и транснационализации компаний Китай значительно отличается от всех крупных развивающихся стран и стран с переходной экономикой, а также всесторонне характеризует отличительные черты и специфику деятельности ТНК Китая. Автор, например, отмечает, что примерно 70% ТНК имеют всего лишь по одному зарубежному филиалу и попадают в категорию малого бизнеса (по западным критериям). Рост агрегированных показателей зарубежной деятельности китайских компаний происходит преимущественно за счет новых и малых, а не старых и крупнейших ТНК. Кроме того, половина компаний Китая, входящих в рейтинги крупнейших корпораций мира, не являются транснациональными (Калашников, 2020).

Эксперты ЮНКТАД под транснациональной компанией (ТНК) понимают любую фирму, независимо от размера бизнеса и формы собственности, которая имеет хотя бы одно зарубежное подразделение, в котором она контролирует более 10% капитала. В последних отчетах о мировых инвестициях ЮНКТАД заменила аббревиатуру ТНК (*TNC*) на МНК (*MNC — Multinational Corporation*), однако большинство исследователей используют эти термины как синонимы. В данной статье будет использоваться термин «транснациональные корпорации» (ТНК) при анализе данных о крупнейших по объемам продаж мировых корпорациях в рейтинговых таблицах *Fortune Global 500* (без перевода их названий на русский язык). Российские авторы подчеркивают: «Известно, что среди крупнейших ТНК Китая очень значительна доля государственных компаний. Тем не менее, статистика КНР, в отличие от ЮНКТАД, считает государственными только организации со 100%-й долей государства в ее капитале. В КНР тысячи предприятий преобразованы в акционерные общества, в которых государство сохранило контрольный пакет акций» (Калашников, 2018).

В данной статье внимание сосредоточено на анализе позиций и объемах продаж китайских корпораций в рейтинге 500 крупнейших ТНК мира (*Fortune Global 500*) на фоне корпораций самых сильных мировых экономик и выявлении среди них тех ТНК, которые можно отнести к числу «цифровых» (включая компании разных отраслей экономики, активно использующих новейшие цифровые технологии).

Методика исследования

Выполненный анализ опирался на статистические базы данных международных организаций ЮНИДО, ЮНКТАД, Научного фонда США и базу данных американского делового журнала *Fortune* об объемах продаж 500 крупнейших корпораций мира (*Fortune Global 500*) за период с 2000 по 2021 гг. Собранная база данных о крупнейших (по объемам продаж) ТНК мира с выявлением их страновой (национальной) и отраслевой принадлежности позволила нам просчитать изменение числа корпораций разных стран из списка *Fortune Global 500*, а также выявить «цифровые» ТНК. На основе полученных данных нами были выполнены 2 карты — на 2007 и 2020 гг., отражающие географическое распределение 100 крупнейших ТНК мира с выделением в объеме их продаж доли «цифровых» компаний.

Стоит отметить, что однозначной и общепринятой классификации «цифровых» ТНК на сегодня не существует. Напомним, что впервые выделение «цифровых» ТНК было предложено в докладе ЮНКТАД о мировых инвестициях (World Investment Report, 2017). Распределение ТНК по категориям основано на выявлении основного вида деятельности (т. е. основного источника доходов от данного вида деятельности). Цифровые и ИКТ-корпорации могут иметь значительное присутствие в различных смежных областях современного цифрового мира. Эксперты ЮНКТАД, подчеркивая, что корпорации разных отраслей экономики в разной степени используют цифровые технологии, к числу непосредственно цифровых относят: во-первых, мультинациональные корпорации, работающие в сфере информационных технологий (ИТ) в качестве производителей вычислительной техники, ИКТ-устройств и их компонентов (например, корпорации *Apple*, *Samsung* и др.) или в качестве поставщиков программного обеспечения и разного рода услуг (например, *Microsoft* и др.). Так, корпорация *Microsoft* занимается производством проприетарного (частного, патентованного) программного обеспечения для различного рода вычислительной техники — персональных компьютеров, игровых приставок, мобильных телефонов и проч., в том числе выступает разработчиком программной платформы — семейства операционных систем *Windows* (Ефремов, Владимирова, 2018).

Во-вторых, цифровыми, безусловно, являются телекоммуникационные корпорации, выступающие поставщиками коммуникационного оборудования с возможностями подключения (*AT&T*, *Huawei*, *Verizon Communications*, *Nippon Telegraph and Telephone*, *China Mobile Communications* и др.). В-третьих (на что следует обратить особое внимание), к таковым были отнесены также корпорации нецифровых отраслей, в значительной степени подверженных воздействию цифровых технологий и услуг, оставаясь их пользователями (World Investment Report 2017).

В данной статье среди 100 крупнейших ТНК мира выделялись в широком смысле «цифровые» корпорации для выявления значения внедрения цифровых технологий в мировую экономику, в том числе за счет деятельности крупнейших ТНК. Иными словами, учитывая рекомендации ЮНКТАД, при наших расчетах к «цифровым» ТНК (в широком смысле этого понятия) были отнесены корпорации из сектора медиа и развлечений, розничной и оптовой торговли (включая электронную коммерцию, Интернет-торговлю), из сферы высоких технологий, сектора услуг здравоохранения и страхования, телекоммуникационные компании, корпорации из сферы финансовых и профессиональных услуг, а также компании из сектора производства транспортных средств и деталей к ним (хотя последние фактически «цифровые» лишь отчасти).

Тем не менее, можно привести несколько примеров. Так, корпорация *SAIC Motor*, которая выступает ведущим автопроизводителем КНР и входит в Топ-100 крупнейших корпораций мира (88-я позиция в рейтинге *Fortune Global 500*, 2021 г.), осуществляет переход к цифровому производству для создания новой модели взаимодействия «клиент-бизнес», где цифровые решения позволяют покупателям настраивать свои заказы с помощью трехмерного цифрового моделирования автомобилей. На сборочных линиях «гибкой автоматизации» китайского производителя бытовой техники *Midea* (288-я позиция в рейтинге *Fortune Global 500*, 2021 г.), оснащенных датчиками, производственный процесс не только полностью автоматизирован, но и динамически регулируется (Тошаков, 2021). Иными словами, мы понимаем, что цифровые технологии применяются во всех отмеченных выше отраслях экономики, хотя и в очень различающейся степени. Но процесс

цифровизации развивается весьма быстрыми темпами и проникает во все производственные отрасли и в сферу услуг.

Переходя к анализу позиций корпораций Китая в рейтинге *Fortune Global 500*, стоит обратить внимание на один важный факт. Очень часто (вплоть до настоящего времени) даже в научной литературе, чтобы доказать роль и значение крупнейших ТНК в мировой экономике, сравнивают показатели объема продаж (ежегодной выручки) этих корпораций с ВВП стран мира (Babic et al, 2017; Ефремов, Владимирова, 2019 и др.).

Но, как мы помним, ВВП — это макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг, произведенных за 1 год во всех отраслях экономики на территории конкретного государства (вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства и самих предприятий). Он выражается как в национальной валюте, так и может быть представлен в иностранной — по паритету покупательной способности. В то же время объем создаваемой добавленной стоимости на производственных мощностях ТНК (и их филиалов, размещенных практически по всему миру) составляет в среднем 20–25% от объема продаж или годового дохода (выручки) корпораций (Родионова, 2010 и др.). Об этом свидетельствуют и данные, приводимые ЮНКТАД в докладах о мировых инвестициях по оценке деятельности ТНК и их зарубежных филиалов (World Investment Report, 2019). Иными словами, следует это иметь в виду, хотя даже одна четвертая или одна пятая часть от объемов продаж отдельных ТНК, которая создается на производственных мощностях корпораций (и их филиалов) — это величина очень и очень солидная, исчисляемая десятками миллиардов долларов (Кузнецов, 2019).

Результаты исследования

Суммарный объем продаж (объемы годового дохода, или выручка) 500 крупнейших корпораций мира из рейтинга *Fortune Global 500* в 2005 г. составлял 16,8 трлн долл., в 2008 г. — 23,6 трлн долл., в 2011 г. — 26,0 трлн долл., в 2017 г. — 27,7 трлн долл., в 2020 г. — 33,3 трлн долл., в 2021 г. — 31,7 трлн долл. (сокращение под влиянием пандемии *COVID-19*). Согласно последним данным американского журнала *Fortune*, в рейтинге крупнейших транснациональных корпораций мира (*Fortune Global 500* за 2021 г.) по-прежнему на 1-м месте находится американская корпорация *Walmart* (с объемом продаж 559 млрд долл.), и на 3-й позиции разместилась также американская компания (*Amazon* с объемом продаж в 386 млрд долл.).

В группу лидеров входят также 3 китайские энергетические компании: *State Grid* — 2-я позиция (объем продаж — 386,6 млрд долл.), *China National Petroleum* — 4-я позиция (284,0 млрд долл.), *Sinopec Group* — 5-я позиция (283,6 млрд долл.). Следует заметить, что уже в 2010 г. в Топ–10 данного рейтинга входили те же китайские корпорации — *Sinopec* (187,5 млрд долл., 7-я позиция), *State Grid* (184,5 млрд долл., 8-я позиция) и *China National Petroleum* (165,5 млрд долл., 10-я позиция).

Как видим, китайские ТНК увеличивали ежегодные объемы продаж (выручку) и стабильно поднимались вверх в рейтинге. При этом совокупный объем продаж только этих 3-х китайских корпораций из списка Топ–10 на 2021 г. (954,3 млрд долл.) вдвое превышает суммарный объем продаж (совокупную выручку) 16-ти китайских ТНК из списка *Global 500* на 2005 г. (484,5 млрд долл.). К тому же данные о суммарной выручке 3-х крупнейших ТНК

Китай превышает объем продаж всех 15-ти ТНК Республики Корея (804,4 млрд долл., 2021 г.) (рассчитано по: <https://fortune.com/global500/>). Это прямое свидетельство развития и роста значения крупнейших китайских корпораций в мире.

Анализ показал, что китайские ТНК за анализируемый нами период времени набирали вес. Выросло и их значение в мировой экономике, увеличилось их число среди крупнейших ТНК мира (рис. 1).

Рис. 1. Динамика числа ТНК США и Китая среди 500 крупнейших по объемам продаж ТНК мира, 1995–2021 г.

Источник: Fortune Global 500, 2021 г.

Так, доля китайских ТНК увеличилась в рейтинге 500 крупнейших с 3% в 1995 г. до 27% (135 корпораций) в 2021 г. А совокупный объем продаж китайских ТНК (в данном рейтинге *Fortune Global 500*) уже практически достиг совокупного объема продаж корпораций США (которые пока лидируют по данному показателю), но разрыв уже не столь значителен — 9,65 и 8,92 трлн долл. в 2021 г. соответственно (для сравнения: в 2017 г. он составлял 8,5 и 6,0 трлн долл.).

Среди 135 китайских ТНК из 500 крупнейших ТНК мира (в рейтинге *Fortune Global 500*, 2021 г.) 49 корпораций относятся по роду своей деятельности к сфере услуг, а 86 — это промышленные компании. К «цифровым» в широком смысле (непосредственно «цифровым», а также к «нецифровым», но с широким применением цифровых технологий) нами было отнесено 68 крупнейших по объемам продаж в 2021 г. ТНК Китая. На совокупную долю продаж «цифровых» ТНК среди всех 135 ТНК из списка *Fortune Global 500* приходится 47% (рассчитано по данным: Fortune Global 500).

Это, в основном, телекоммуникационные компании (*Huawei Investment & Holding*, *China Mobile Communications*, *China Telecommunications*), корпорации из сектора высоких технологий (*Aviation Industry Corp. of China*, *Sinopharm*, *Lenovo Group*, *China Aerospace Science & Technology*, *China Electronics Technology Group*, *China National Nuclear*, *China General Technology*, *Shanghai Pharmaceuticals Holding*, *China Electronics* и др.), корпорации финансового сектора — банки, инвестиционные и страховые компании (*Ping An Insurance*,

Industrial & Commercial Bank of China, China Construction Bank, Agricultural Bank of China, China Life Insurance — все они входят в Топ-30 мировых ТНК). В данном списке есть и несколько ТНК из сектора Интернет-торговли (*JD.com, Alibaba, Xiamen ITG Holding Group*), и 8 компаний, производящих транспортные средства и детали к ним (*SAIC Motor, Dongfeng Motor, Beijing Automotive Group* и др.), которые нами также были отнесены к группе «цифровых» (в широком смысле) корпораций.

Продолжая исследование, отметим, что в совокупных показателях объемов продаж всех 500 крупнейших ТНК мира очень значителен удельный вес лидирующих 100 корпораций, на долю которых приходилось 45–50% совокупного объема продаж в разные годы. В связи с этим фактом считаем целесообразным обратить внимание на анализ состава 100 крупнейших ТНК и их характеристику в динамике с 2007 по 2020 гг. При этом отметим рост числа и совокупного объема продаж крупнейших китайских ТНК в группе Топ–100 из списка *Fortune Global 500*. Так, в 2007 г. среди 100 крупнейших по объемам продаж ТНК мира было всего лишь 3 китайских, в 2020 г. — 23, а в 2021 г. их уже 30 (рассчитано по данным: *Fortune Global 500*).

Основные характеристики китайских ТНК в сравнении с ТНК других стран-лидеров, чьи компании также входили в 100 крупнейших, представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1.

География и совокупные масштабы деятельности ТНК стран-лидеров по числу корпораций среди 100 крупнейших (по объемам продаж) ТНК мира (в рейтинге *Fortune Global 500*), 2007 г.

Страна	Число ТНК (ед.)	Совокупный объем продаж ТНК страны (млрд долл.)	Совокупный объем продаж промышленных ТНК (млрд долл.)	Число «цифровых» ТНК (ед.)	Совокупный объем продаж «цифровых» ТНК (млрд долл.)	Доля «цифровых» ТНК в совокупном объеме продаж (%)
США	34	3808,4	1552,3	26	2888,8	75,9
Китай	3	349,3	349,3	0	0	0
Германия	12	1149,6	638,3	10	1002,6	87,2
Япония	8	778,3	686,3	8	778,3	100,0
Франция	9	940,1	313,3	8	771,8	82,1
Великобритания	9	904,9	274,3	8	630,6	69,7
Всего 100 ТНК:	100	10228,5	5027,6	76	7445,9	72,8
Доля китайских ТНК (%)	3	3,4	6,9	0	0	0

Источник: рассчитано и составлено автором по *Fortune Global 500*, 2007 г.

Анализ показывает, что одновременно с ростом числа китайских ТНК увеличивался и совокупный объем продаж их (3808,4 млрд долл. — 2007 г., 3560,1 млрд долл. — 2020 г., 8923,6 млрд долл. — 2021 г.). Число ТНК выросло за анализируемый период с 3 до 23 (а к 2021 г. — до 30). В совокупном объеме продаж Топ–100 ТНК мира доля китайских выросла с 3,4% в 2007 г. до 23,3% в 2020 г. и до 47% в 2021 г. (табл. 1 и 2).

На основании представленных в табл. 1 и 2 данных нами были составлены 2 карты, иллюстрирующие удельный вес «цифровых» ТНК в совокупных продажах 100 крупнейших корпораций разных стран мира (рис. 2, 3). Картографический метод исследования наглядно иллюстрирует полученные результаты анализа и покажет рост значения и масштабов выручки китайских ТНК из списка *Fortune Global 500*.

Таблица 2.

География и совокупные масштабы деятельности ТНК стран-лидеров по числу корпораций среди 100 крупнейших (по объемам продаж) ТНК мира (в рейтинге *Fortune Global500*), 2020 г.

Страна	Число ТНК (ед.)	Совокупный объем продаж ТНК страны (млрд долл.)	Совокупный объем продаж промышленных ТНК (млрд долл.)	Число «цифровых» ТНК (ед.)	Совокупный объем продаж «цифровых» ТНК (млрд долл.)	Доля «цифровых» ТНК в совокупном объеме продаж (%)
США	35	5860,9	2288,5	29	4881,3	83,2
Китай	23	3560,1	2429,4	13	1550,4	43,6
Германия	8	1046,7	639,4	8	1046,7	100,0
Япония	7	998,2	777,7	7	998,2	100,0
Франция	5	601,2	176,2	4	424,9	70,7
Великобритания	5	655,3	282,6	4	372,7	56,9
Всего 100 ТНК:	100	15292,6	8457,2	74	10442,4	68,3
Доля китайских ТНК (%)	23	23,3	28,7	17,6	14,8	-

Источник: рассчитано и составлено автором по Fortune Global500, 2020 г.

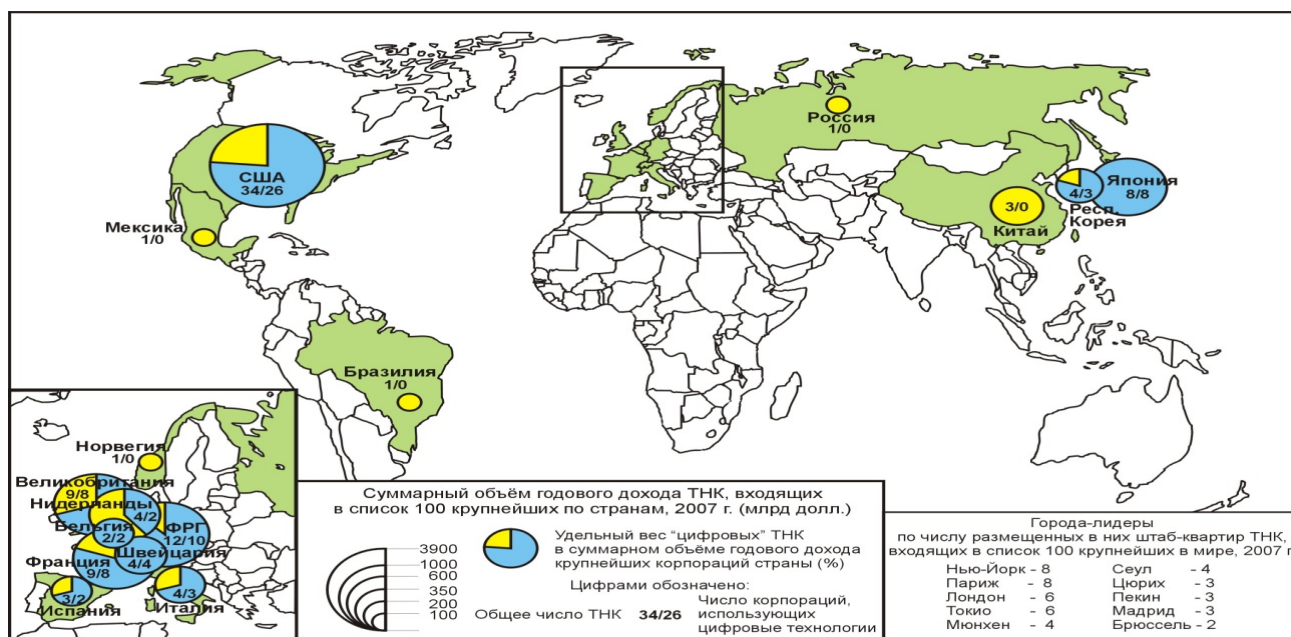

Рис. 2. География и масштабы деятельности 100 крупнейших (по объемам продаж) ТНК мира, 2007 г.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Fortune Global 500.

На двух карто-схемах (рис. 2, 3) отражено размещение 100 крупнейших по объемам продаж ТНК мира по их страновой (национальной) принадлежности (определяемой по числу размещенных в городах той или иной страны штаб-квартир материнских ТНК) в 2007 г. и в 2020 г. Выделена доля «цифровых» ТНК в совокупном объеме продаж ТНК каждой страны, а цифрами обозначено количество ТНК. Зафиксированы данные о городах–лидерах по числу размещенных в них штаб-квартир материнских ТНК, входящих в список 100 крупнейших (рис. 2 и 3). На 1-м месте в 2020 г. (и в 2021 г.) уже находится столица Китая — Пекин.

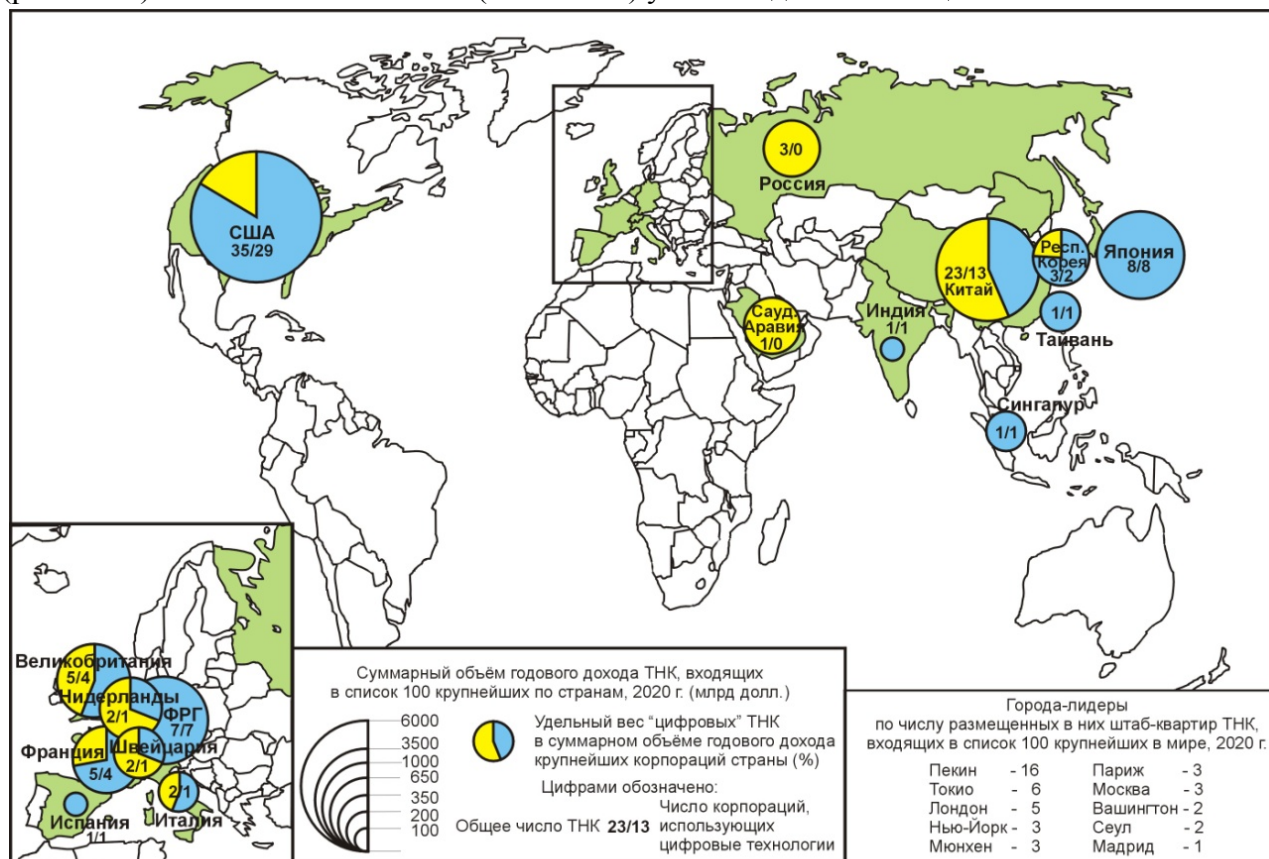

Рис. 3. География и масштабы деятельности 100 крупнейших (по объемам продаж) ТНК мира, 2020 г.

Источник: рассчитано и составлено по данным Fortune Global 500

Так, в 2007 г. в списке 100 крупнейших ТНК мира присутствуют лишь 3 китайских корпорации промышленных отраслей (и нет ни одной «цифровой» ТНК). Легко считывается информация о странах–лидерах, чьи ТНК были в группе Топ–100 (США, Япония, Германия и др.). Но совсем иная картина представлена на следующей карте по данным на 2020 г. (рис. 3), где Китай уже переместился на 2-ю позицию в мире и по количеству ТНК в списке Топ–100 (в т.ч. «цифровых» ТНК), и по совокупным объемам продаж корпораций).

И, как было уже отмечено выше, в списке 100 крупнейших ТНК на 2021 г. число китайских ТНК увеличилось до 30 (в том числе — 16 «цифровых»). Все это лишь подтверждает развитие процесса цифровизации и транснационализации в этой стране. В Китае государство строит систему ТНК и глобальную инфраструктуру для их деятельности.

Но стоит, на наш взгляд, осветить еще один аспект проблемы современного развития, который также повлиял на позиции китайских ТНК. Серьезным структурным сдвигам в отраслевой и территориальной структуре мировой индустрии, вне всякого сомнения, способствует инновационное развитие, трансфер технологий, деятельность ТНК, и

получившая широкое распространение фрагментация промышленного производства в условиях глобализации. Благодаря непрекращающемуся индустриальному развитию Китая и деятельности китайских ТНК, страна по многим экономическим показателям выходит на лидирующие позиции в мире (Родионова, Шкваря, 2012; Родионова, 2018; Родионова, Угрюмова, 2021; Родионова, 2021; Solovieva, He, 2022).

Согласно нынешней классификации отраслей мировой индустрии, среди знаниеемких отраслей экономики (отраслей, основанные на знаниях и современных технологиях — *knowledge and technology intensive industries, KTI*) выделяют 2 категории отраслей, отличающихся по степени интенсивности использования НИОКР (*The State of US. Science and Engineering Indicators, 2022*). Это, во-первых, 5 отраслей с наиболее высокой интенсивностью использования результатов НИОКР (*high R&D intensive industries*). И, во-вторых, еще 8 отраслей со средневысокой интенсивностью применения результатов НИОКР (*medium-high R&D intensive industries*). Используя степень интенсивности применения результатов научных исследований и разработок (*levels of R&D intensity*), к 1-й категории отраслей, наиболее широко применяющих НИОКР (*high R&D intensive industries*) отнесены: авиакосмическая промышленность (*Aircraft*), фармацевтическая промышленность (*Pharmaceuticals*), производство компьютеров, электронной и высокоточной оптической продукции (*Computer, electronic, and optical products*), а также добавлены отрасли сферы услуг: производство компьютерного программного обеспечения (*Computer software publishing*) и услуги по применению НИОКР (*Scientific R&D services*). Ко 2-й категории были отнесены отрасли с более низким (по сравнению с отраслями, отнесенными к 1-й категории), но все же значительным уровнем интенсивности НИОКР (*medium-high R&D intensive industries*). Они включают: производство химической продукции (*Chemicals excluding pharmaceuticals*), производство электрических и других машин и оборудования (*Electrical equipment, other machinery and equipment*), выпуск транспортных средств (*Motor vehicles*), производство железнодорожной и военной техники (*Railroads and military vehicles*), производство оружия и боеприпасов (*Weapons and ammunition industry*). Также были еще добавлены услуги в области информационных технологий (*IT services*) (*The State of U.S. Science and Engineering 2022*).

Выводы

В сравнительном анализе позиций США и Китая в высокотехнологичных отраслях выявлено, что в настоящее время эти 2 государства по многим показателям занимают 1–2 места в мировой табели о рангах, значительно опережая другие страны. При этом Китай очень сильно укрепил свои позиции за последние 15 лет в мировой высокотехнологичной индустрии с высокой интенсивностью НИОКР (Родионова, Угрюмова, 2021).

В глобальном масштабе (на мировом уровне) добавленная стоимость в отраслях *KTI* (*KTI industry value-added output*) увеличилась более чем вдвое с 2002 г. (3,4 трлн долл.) по 2019 г. (9,2 трлн долл.). При этом в 2019 г. на сумму 6,4 трлн долл. было произведено продукции промышленными отраслями (*KTI manufacturing industries*): авиационная, компьютеры, электронная и оптическая продукция, фармацевтика, химикаты, транспортное оборудование (за исключением самолетов); электрические и другие машины и оборудование; и научные приборы. Еще 2,8 трлн долл. пришлось на сферу знаниеемких услуг (*KTI services*

industries): услуги в области информационных технологий, услуги научных исследований и разработок и публикация программного обеспечения.

Уже к 2011 г. Китай превзошел США и стал крупнейшим в мире производителем промышленной продукции *KTI*-отраслей (*KTI manufacturing output*). Китай был движущей силой быстрого увеличения этой продукции для многих отраслей *KTI*-индустрии за последнее десятилетие. Мировая доля Китая в производстве *KTI* увеличилась с 18% в 2010 г. до 31% в 2019 г. Производство *KTI* в США также продолжает расти, эта страна остается крупнейшим мировым производителем соответствующей продукции, особенно в 3-х отраслях обрабатывающей промышленности *KTI* (авиационная, медицинская оборудование и фармацевтические препараты). По данным Научного фонда США, на 2019 г. Китай занимал лидирующие позиции по производству продукции *KTI*-отраслей обрабатывающей промышленности (*KTI manufacturing industries*), объем производства в которых достиг 1981,9 млрд долл. На 2-й позиции разместились США — 1301,7 млрд долл., на 3-й — страны ЕС—27 (1075,3 млрд. долл.). При этом Китай с 2010 г. более чем вдвое увеличил производство продукции обрабатывающей промышленности (852,6 млрд долл.), что и позволило стране выйти на 1-е место. Но в секторе знаниемких услуг (*KTI services industries*) Китай по-прежнему заметно отстает от США (285,5 и 1034,5 млрд долл. соответственно) (The State of U. S. Science and Engineering 2022).

Вне всякого сомнения, события 2020 г. в связи с глобальной эпидемией *COVID-19* серьезно повлияли и еще долго будут влиять на ход мировой истории и расстановку сил в мировой экономике. В условиях цифровизации, как показали серьезные и молниеносные действия Китая, в борьбе с угрозой распространения коронавируса, можно лишь укрепиться во мнении, что в настоящее время эта страна широко внедряет новейшие технологии в производство и сектор услуг. Для Китая эта пандемия может стать своего рода трамплином для дальнейшего развития цифровой трансформации экономики. Подобно тому, какими темпами развивается электронная коммерция в Китае, предоставление услуг в онлайн-формате будет занимать центральное место во многих отраслях и сферах жизнедеятельности населения (виртуализация услуг в здравоохранении и образовании, цифровые инновации). Китай продолжает экспериментировать и с применением технологий искусственного интеллекта и т.д. Иными словами, китайская экономика и китайские ТНК заняли прочные позиции в глобальной экономике.

Список литературы

1. Аналитический доклад «Россия в международных рейтингах». По заказу Фонда Росконгресс. МГУ им. М. В. Ломоносова. 2019. [Analytical report "Russia in international rankings". By order of the Foundation, the Congress grew. Lomonosov Moscow State University. 2019. (In Russian).] URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/66f/200_Doklad_preview.pdf
2. Ваганов А. (2021) Цифровой тоталитаризм с человеческим лицом // Независимая газета. 26.01.2021. [Vaganov A. (2021) Digital totalitarianism with a human face // Nezavisimaya gazeta. 26.01.2021. (In Russian).] URL: www.ng.ru/science/2021-01-26/9_8066_totalitarianism.html
3. Войцехович А. А. (2018) Сяокан — социализм с китайским лицом // Международный научно-исследовательский журнал. № 1 (67). Часть 3. С. 36–40.

[Voitsekhovich A. A. (2018). Xiaokan — socialism with a Chinese face // International Scientific Research Journal. № 1 (67). Part 3. Pp. 36–40. (In Russian).]

4. Данилин И. В. (2018) Роль БАТ в развитии китайских интернет-рынков и перспективные вызовы цифровой экономики КНР // Международные процессы. Том 16. № 4(55). С. 99–116. [Danilin I. V. (2018) The role of BAT in the development of Chinese Internet markets and promising challenges of the digital economy of China // International Processes. Vol. 16. No. 4 (55). Pp. 99–116. (In Russian).]

5. Данилин И. В. (2020) Влияние *COVID*–кризиса на инновационный потенциал интернет-платформ КНР // Вестник РАН. Т. 90. № 12. С. 1172–1182. [Danilin I. V. (2020) The impact of the *COVID* crisis on the innovative potential of Internet platforms in China // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. T. 90. No. 12. Pp. 1172–1182. (In Russian).] DOI: 10.31857/S0869587320120208

6. Ефремов В. С., Владимирова И. Г. (2018) Цифровые компании: понятие, масштабы и особенности транснационализации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 8. № 11А. С. 137–147. [Efremov V. S., Vladimirova I. G. (2018) Digital companies: the concept, scale and features of transnationalization // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. Vol. 8. No. 11A. Pp. 137–147. (In Russian).]

7. Запольскис А. (2021) Геополитические и геоэкономические перспективы Китая на период до 2030 года. [Zapolskis A. (2021) China's geopolitical and geo-economic prospects for the period up to 2030. (In Russian).] URL: <https://cont.ws/@aleksanderzapolskis/2106145>.

8. Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 352 с. [Indicators of science: 2021: statistical collection / L. M. Gokhberg, K. A. Ditkovsky, E. I. Evnevich, et al.; NRU. Higher School of Economics. Moscow, HSE. 352 p. (In Russian).]

9. Калашников Д. Б. (2018) Движение КНР к Центру мирового хозяйства: роль национальных ТНК // На пути к китайскому миру: коллективная монография / под ред. Н. А. Слуки. М.: Издательство Московского университета. С. 75–92. [Kalashnikov D. B. (2018) The movement of the PRC to the Center of the world economy: the role of national TNCs // On the way to the Chinese world: a collective monograph / edited by N. A. Sluka. M.: Moscow University Press. Pp. 75-92. (In Russian).]

10. Калашников Д. Б. (2019) Роль ТНК Китая в модернизации национальной экономики // Дисс. на соиск. уч. ст. к. э. н. М.: МГИМО, 2019. 264 с. [Kalashnikov D. B. (2019) The role of China's TNCs in the modernization of the national economy // Diss. for the degree of PhD of Economics, Moscow: MGIMO, 2019. 264 p. (In Russian).]

11. Калашников Д. Б. (2020) ТНК Китая в модернизации национальной экономики. Монография. М.: КноРус. 243 с. [Kalashnikov D. B. (2020) China's TNK in the modernization of the national economy. Monograph. M.: KnoRus. 243 p. (In Russian).]

12. Китайский информационный Интернет-центр. Путь современного Китая к обществу «сяокан» / Сайт государственного информационного сервера Китая. По материалам Агентства Синьхуа 12.11.2002. [Chinese Internet Information Center. The Path of Modern China to the Xiaokan Society / Website of the State Information Server of China. According to the materials of the Xinhua News Agency 12.11.2002 (In Russian).] URL: <http://russian.china.org.cn/russian/49591.htm>.

13. Кузнецов А. В. (2019) ТНК — усиление международной роли или усложнение адаптации к трендам мирового развития? / Доклад на Международных Лихачевских чтениях.

Санкт-Петербург. 28.05.2019. Пленарное заседание. Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости. С. 154–158. [Kuznetsov A. V. (2019) TNK — strengthening the international role or complicating adaptation to global development trends? // Report on the International Likhachev Readings. St. Petersburg. 28.05.2019. Plenary session. World development: problems of predictability and manageability. Pp. 154–158. (In Russian).]

14. Ли С., Лу Я. (2021) Более трети показателей 14-й пятилетки связаны с благополучием народа // Российская газета. Федеральный выпуск № 90 (8441). 27.04.2021. [Li S., Lu Ya. (2021) More than a third of the indicators of the 14th five-year plan are related to the well-being of the people // Rossiyskaya Gazeta. Federal Issue No. 90 (8441). 27.04.2021 (In Russian).] URL: <https://rg.ru/2021/04/27/bole-treti-pokazatelej-14-j-piatiletki-sviazany-s-blagopoluchiem-naroda.html>

15. На пути к Китайскому миру: коллективная монография / Под ред. Н. А. Слуки. М.: Издательство Московского университета, 2018. 356 с. [On the way to the Chinese World: a collective monograph / Edited by N. A. Sluka. M.: Moscow University Press, 2018. 356 p. (In Russian).]

16. Пин Лунь (2021) Интернет как двигатель прогресса. Цифровая экономика Китая демонстрирует жизнеспособность // Российская газета. Федеральный выпуск № 248 (8599), 29.10.2021. Материалы предоставлены газетой "Жэньминь Жибао". [Ping Lun (2021) The Internet as an engine of progress. China's Digital Economy demonstrates Viability // Rossiyskaya Gazeta. Federal Issue No. 248 (8599), 29.10.2021. Materials provided by the newspaper "People's Daily". (In Russian).] URL: <https://rg.ru/2021/10/29/cifrovaia-ekonomika-kitaia-demonstriruet-zhiznesposobnost.htm>

17. Родионова И. А. (2010) Мировая экономика: индустриальный сектор. учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности "Мировая экономика" / М., 2010. Сер. Библиотека классического университета. [Rodionova I. A. (2010) World economy: industrial sector. textbook for students studying in the specialty "World Economy". Moscow, 2010. Ser. Library of the Classical University. (In Russian).]

18. Родионова И. А., Шкваря Л. В. (2012) Рост значения стран Азии — главный тренд мирового индустриального развития // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 2–5. [Rodionova I. A., Shkvarya L. V. (2012) The growth of the importance of Asian countries — the main trend of world industrial development // Asia and Africa today. No. 12. Pp. 2–5. (In Russian).]

19. Родионова И. А. (2018) Новый расклад мировых промышленных сил и Китай // На пути к Китайскому миру: коллективная монография / Под ред. Н. А. Слуки. М.: Издательство Московского университета. С. 92–98. [Rodionova I. A. (2018) The new alignment of world industrial forces and China // On the way to the Chinese world: a collective monograph / Edited by N. A. Sluka. M.: Moscow University Press. Pp. 92–98. (In Russian).]

20. Родионова И. А., Угрюмова А. А. (2021) США и Китай — лидеры мировой наукоемкой высокотехнологичной индустрии: сравнительный анализ позиций // Региональная экономика: теория и практика. Т. 19. № 3 (486). С. 400–428. [Rodionova I. A., Ugryumova A. A. (2021) The USA and China — the leaders of the world science-intensive high-tech industry: comparative analysis of positions // Regional Economy: Theory and Practice. Vol. 19. No. 3 (486). Pp. 400–428. (In Russian).]

21. Родионова И. А. (2021) Позиции регионов на индустриальной карте мира / Социально-экономические проблемы регионов в условиях глобальной нестабильности: монография / Под ред. И. А. Родионовой. М.: Изд-во РУДН. С. 69–99. [Rodionova I. A. (2021)

Positions of regions on the industrial map of the world / Socio-economic problems of regions in conditions of global instability: monograph / Edited by I. A. Rodionova. M.: RUDN Publishing House. Pp. 69–99. (In Russian).]

22. Синцеров Л. М. (2021) Трансформация роли транснациональных корпораций в мировом хозяйстве и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций // Известия РАН. Серия географическая. Т. 85. № 6. С. 819–827. [Sintserov L. M. (2021) Transformation of the role of transnational corporations in the global economy and shifts in the geography of foreign direct investment // News of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical. Vol. 85. No. 6. Pp. 819–827. (In Russian).]

23. Тощакон А. (2021) Цифровая трансформация промышленных предприятий. Официальный сайт *HUAWEI* [Toshchakov A. (2021) Digital transformation of industrial enterprises. *HUAWEI* official website (In Russian).] URL: <https://huawei.ru/insights/tsifrovaya-transformatsiya-promyshlennykh-predpriyatiy>.

24. XIV пятилетний план экономического и социального развития Китайской Народной Республики и программа перспективных целей на 2035 год [XIV Five-year plan of Economic and social development of the People's Republic of China and the program of long-term goals for 2035 (in Chinese).] URL: www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm

25. Babic M., Fichtner J., Heemskerk E. M. (2017) States versus Corporations: Rethinking the Power of Business in International Politics // The international spectator: Italian journal of international affairs. Vol. 52. Iss. 4. Pp. 20–43. URL: <https://doi.org/10.1080/03932729.2017.1389151>

26. Fortune Global 500. URL: <https://fortune.com/global500/>

27. Global Innovation Index 2021. WIPO. URL: www.globalinnovationindex.org/gii-2021-report#.

28. IMD World Competitiveness Ranking 2021. IMD World Competitiveness Online URL: <https://worldcompetitiveness.imd.org/rankings/WCY>

29. Solovieva Y. V., He M. (2022) Features of Technology Transfer Systems of Asian Region's Technology Leaders // Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 368. Pp. 308–314.

30. The State of U.S. Science and Engineering 2022. URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb2022/u-s-and-global-science-and-technology-capabilities>.

31. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD. New York and Geneva: United Nations, 2017.

32. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. UNCTAD. New York and Geneva: United Nations, 2019.

33. UNIDO Statistics Data Portal. MVA 2021, Manufacturing. URL: <https://stat.unido.org/database/MVA%202021,%20Manufacturing;jsessionid=B1536C7E20F28FCF6BC0C97796F11174>

34. UNCTAD. URL: <http://unctadstat.unctad.org>

About the development of the digitalization process and the positions of Chinese companies among the largest TNCs in the world

Irina A. Rodionova

*Dr. Sc. (Geography), Professor, Academic of the Russian Academy of Natural Sciences (RAE),
Central Research Institute of Economy, management and information systems "Electronics"
Moscow, Russia.*

The article is devoted to the analysis of trends in the development of the digital economy on the example of China through the prism of identifying the growing importance of Chinese TNCs in the global economy based on Fortune Global 500 data on sales volumes of the largest TNCs in the world.

A content analysis of the available sources of UNIDO, UNCTAD, the US Science Foundation, Fortune Global 500 was carried out, statistical data were used, a comparative analysis of the characteristics of the world's largest TNCs was applied to identify the positions of Chinese corporations in dynamics over a number of years.

It is concluded that the Chinese economy and Chinese TNCs occupy strong positions in the global economy. In the ranking of the 500 largest TNCs in the world, not only the number of Chinese corporations has grown rapidly (and they are now ahead of the former leader of the United States), but also sales volumes of China's largest corporations have increased, including due to the fact that the Chinese economy has taken a leading position in the world, both in the production of industrial products and in foreign trade.

Keywords: *China, manufacturing, TNC, Global500, knowledge- and technology-intensive (KTI) industries, high R&D intensive industries, medium-high R&D intensive industries.*

JEL codes: *F23, F62.*

Экономика Ирака: возможности восстановления в условиях экономических санкций

Ахмед Надир Надир Ахмед¹

В статье дан авторский анализ эволюции социально-экономической системы Ирака за период 2015–2020 гг. и прогноз до 2022 г. Автор обосновывает точку зрения, что относительно стабильный экономический прогресс в последнее пятилетие стал результатом производственной деятельности главным образом нефтяного сектора хозяйства, даже несмотря на негативные тенденции, сформировавшиеся на глобальных сырьевых рынках в 2019–2020 гг. Будучи ресурсообеспеченной страной Ближнего Востока, Ирак фактически стал заложником нефтяных богатств, но они, по мнению автора, при наличии эффективной и адекватной сложившимся условиям (внутренним и внешним) стратегии национального развития могут стать реальной основой для стабилизации и восстановления роста в других важных для государства отраслях. Автор приходит к выводу, что значительный потенциал Ирака может и должен стать катализатором роста и процветания на основе инвестиций в ненефтяные отрасли и разработки и реализации самостоятельной экономической политики.

Ключевые слова: Ирак, экономическое развитие, экономические санкции, нефтяной сектор, ненефтяной сектор.

JEL коды: E50, E60.

Введение

Одной из основных проблем социально-экономического развития современного Ирака стали экономические санкции, которые в XX–XXI вв. с завидным постоянством начали широко применяться в мировой экономике относительно различных стран для решения как экономических, так и политических задач государств — инициаторов санкций, прежде всего США и их союзников. Очень мало стран (если только есть такие), вызвавших негодование или просто неудовольствие США своей самостоятельной, не соответствующей интересам «гегемона» экономической политикой (внешней и/или внутренней), не были подвержены в той или иной степени прессингу экономических санкций (Айдрус, Меланьина, 2016; Савинский, 2018; Шкваря, 2017). Причем к США обычно присоединяются и государства Западной Европы, которые как раз и оказываются неспособны вести самостоятельную экономическую политику и последовательно отстаивать свои экономические и политические интересы в мире.

В то же время экономические санкции, история применения которых насчитывает уже, по меньшей мере, полстолетия, не соответствуют ни правилам ВТО, ни другим международным нормам (Меланьина, 2018). Однако они оказывают в XXI в. значительное

¹ Ахмед Надир Надир Ахмед — аспирант кафедры политической экономии экономического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

влияние на систему мирового хозяйства и международных экономических отношений, и последствия этого влияния заключаются в росте глобальной нестабильности и волатильности стратегических мировых рынков, экономического и социального ущерба для многих стран и регионов, угроз национальной безопасности во многих сферах.

О «веке беспорядка» еще в 2011 г. говорил экономист Рэндалл Швеллер (Schweller, 2011). В указанной статье и в других своих работах (Schweller, 2004) Р. Л. Швеллер предупреждал о наступлении многополярного мира. С этой точкой зрения согласен и автор данной статьи.

Одной из стран, подвергшихся санкционному давлению, остается Ирак. В 1991 г. этому процессу было положено начало. «Режим санкций запретил любые торговые операции с Иракской Республикой, переводы туда средств (за исключением тех, которые предназначаются для гуманитарных целей или соответствовал интересам США) и любое сотрудничество в военной сфере», — отмечают российские исследователи (Айдрус и др., 2015). Многие из проблем, связанных с экономическими санкциями в Ираке, до сегодняшнего дня актуальны и оказывают негативное влияние на национальные социально-экономические процессы в стране. Причем именно США взяли на себя ведущую роль во введении экономических санкций и поддержании их в «рабочем состоянии».

Экономика Ирака: современные тренды

Ирак — федеративное государство, развивающаяся страна Ближнего Востока, имеющая многовековую историю экономического развития и культуры хозяйствования. У страны есть все составляющие для социально-экономического успеха, такие как водные ресурсы и плодородные земли в дополнение к человеческому капиталу (рост населения в Ираке остается достаточно высоким, см. табл. 1), выгодное географическое положение, значительные природные ресурсы, причем стратегического значения, в которых нуждаются многие государства мира. Ирак располагает огромными запасами нефти, достаточными для его развития (ВР, 2021). Поэтому в иракской экономике, в основном управляемой государством, доминирует нефтяной сектор, который обеспечивает примерно 85% государственных доходов, 80% валютных поступлений и остается главным фактором, определяющим состояние экономики и социальной сферы. Контракты Ирака с крупнейшими нефтяными компаниями имеют потенциал для дальнейшего расширения экспорта нефти и доходов от нее, но Ираку требуется провести значительную модернизацию своей нефтеперерабатывающей, трубопроводной и экспортной инфраструктуры, чтобы эти возможности могли быть реализованы. В то же время значительные запасы нефти располагаются на территории Иракского Курдистана (Филукова, 2020).

Для Ирака характерен экономический рост и рост подушевых доходов, как видно из табл. 1. Причем подушевой доход в Ираке в XXI в. оставался ниже среднемирового показателя примерно вдвое, главным образом из-за негативного влияния внешнего фактора.

Экономика Ирака постепенно восстанавливается. В 2019 г. ВВП вырос до 3,9% на фоне активизации добычи нефти и в сочетании с продолжающимися усилиями по реконструкции, ростом внутреннего спроса и улучшением условий безопасности. Ненефтяной ВВП увеличился на 4,9% в 2019 г. Согласно обновленным прогнозам МВФ от 14 апреля 2020 г., из-за вспышки *COVID-19* рост ВВП может достигнуть 7,2% в 2021 г. при условии постпандемического восстановления мировой экономики.

Таблица 1.

Динамика основных макроэкономических показателей Ирака в 2015–2020 гг.
оценка в 2021 г. и прогноз на 2022 гг.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Население, млн человек	35,2	36,2	37,1	38,1	38,5	38,7	39,1	–
ВВП на душу населения, тыс. долл.	4,677	4,606	5,133	5,571	5,636	4,602	5,019	–
ВВП, млрд долл.	165,0	167,0	191,0	212,0	220,0	178,11	196,27	208,23
Экономический рост (ВВП, ежегодные колебания в %)	2,6	13,8	–3,8	0,9	4,4	2,1	1,1	6,1
Уровень безработицы, %	10,7	10,8	13,0	12,9	12,8	10,3	8,3	7,4
Бюджетный баланс (% ВВП)	–12,8	–13,9	–1,6	7,9	–	–	–	–
Государственный долг (% ВВП)	56,9	64,3	58,9	49,3	50,0-	51,1		
Уровень инфляции (ИПЦ, ежегодные колебания в %)	1,4	0,5	0,1	0,4	–0,2	0,8	1,0	1,5
Процентная ставка (%)	6,00	4,00	4,00	4,00	4,00	4,00	4,00	4,00
Текущий счет (% ВВП)	–1,7	1,3	7,8	16,2	7,1	–12,6	–12,1	–10,1
Торговый баланс (млрд долл.)	11,0	12,2	25,4	47,5	32,2	41,52	30,3	–
Экспорт (млрд долл.)	51,3	41,3	57,6	86,4	81,6	87,26	66,1	–
Импорт (млрд долл.)	40,3	29,1	32,2	38,9	49,4	45,74	35,8	–
Международные резервы (долл. США)	50,9	42,0	45,6	60,8	–	–	–	–
Внешний долг (% ВВП)	38,6	39,4	36,4	48,9	46,9	68,3	75,0	81,7

Источник: составлено автором по данным UNCTAD и IMF: Regional Economic Outlook, Middle East and North Africa, 2019.

Ирак завершил 2019 г. с рекордной добычей нефти — 4,7 млн баррелей в сутки во 2-м квартале (ВР, 2021), а вновь созданная Национальная нефтяная компания стремится добывать 7 млн баррелей в сутки. Однако в соответствии с Национальным планом развития до 2022 г., установленный показатель по добыче нефти составляет 4,9 млн баррелей в сутки из них 4 млн должны экспортироваться (National Development Plan 2018–2022).

В Ираке добыча нефти остается наиболее важным сектором экономики и составляет порядка 56% ВВП. Это остается одной из проблем национальной экономики, что отмечается многими исследователями (Бабенкова, 2021). Сектор услуг достигает 33% от общего объема производства. В сфере услуг наиболее крупные сегменты — это коммунальные, социальные и личные услуги (13% ВВП); финансовые, страховые и риэлтерские услуги (9%); оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы (7%). Обрабатывающая промышленность, строительство, производство и распределение воды и электроэнергии составляют 8% ВВП, а сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство в совокупности остальные 4%, в том числе непосредственно на сельское хозяйство приходится 2% ВВП (Башер, 2019).

Но государство намерено наращивать роль ненефтяных сегментов национальной экономики (табл. 2). Как видно из табл. 2, наиболее быстрыми темпами призваны расти обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и торговля. План направлен на достижение реальных темпов роста ВВП в размере 7% при темпах роста населения в 2,5%.

Таблица 2.

Динамика ВВП Ирака в 2018–2022 гг. в постоянных ценах 2015 г., млрд динаров

	2015 г. базовый	Целевой показатель роста (%)	2018	2019	2020	2021	2022
Сельское хозяйство	3707,5	8,4	4722,5	5119,2	5549,2	6015,3	6520,6
Нефть	100929,2	7,5	125384,0	144896,9	155764,2	155764,2	167446,5
Добывающая промышленность	330,0	1,0	340,0	343,4	346,8	350,3	353,8
Обрабатывающая промышленность	1535,1	10,5	2071,2	2288,7	2529,0	2794,5	3088,0
Электричество и вода	2130,7	6,0	2537,7	2690,0	2851,4	3022,4	3238,0
Строительство	13768,4	6,8	16772,5	17913,0	19131,1	20432,0	21821,4
Транспорт и коммуникации	14313,9	7,0	17535,1	18762,6	20076,0	21481,3	22985,0
Торговля	14872,9	8,3	18892,1	20460,2	22158,4	23997,5	25989,3
Финансы и страхование	11815,1	2,6	12760,8	13092,6	13433,0	13782,3	14140,6
Услуги	19777,8	4,5	22569,8	23585,4	24646,7	25755,8	26914,9
Ненефтяные производства	81402,0	6,1	98201,8	104255,3	110721,6	117631,5	125017,3
Итого	182331,2	7,0	223585,8	239042,8	255618,5	273395,7	292463,8
Млрд долл.			189,2	202,2	216,3	231,3	247,4

Источник: National Development Plan 2018–2022.

Для реализации данного плана в полной мере стране необходимы значительные инвестиции — в общей сложности 84,7 трлн динаров в 2018–2022 гг. Эти вложения капитала должны покрыть и потребности капиталоемких отраслей, включая обновление основного капитала в нефтяной отрасли, транспорте, строительстве и пр., и других сегментов национальной экономики. Но текущий счет упал до $-1,2\%$ в 2019 г., и дефицит, как ожидается, резко увеличится в ближайшие годы — до $4,1\%$ в 2021 г. (IMF, 2020) — из-за вспышки *COVID-19* и последующего падения цен на нефть и усилий правительства по ускорению восстановления страны, а также все еще сохраняющегося санкционного давления, которое мы считаем одной из серьезных проблем иракской экономики. Общий объем восстановительных работ должен составить 88 млрд долл. США (Всемирный банк, 2021).

В соответствии с конституцией Ирака, некоторые полномочия, имеющие отношение к общему инвестиционному климату, либо разделяются федеральным правительством и регионами, либо полностью передаются местным органам власти. Например, инвестиции в Ирак осуществляются, в том числе, в рамках закона «Об инвестициях Курдистанского региона» (закон № 4 от 2006 г.) и Совета по инвестициям Курдистана, который призван обеспечить стимулы для содействия экономическому развитию.

Хотя международное сообщество обязалось предоставить Ираку 30 млрд долл., внешнее проектное финансирование остается ограниченным (менее 1 млрд долл. были направлены в страну в 2018 г.) из-за отсутствия институционального потенциала Ирака, но ожидается, что оно увеличится в 2021–2022 гг. Также ограниченными остаются иностранные инвестиции, в том числе ПИИ. Ирак медленно продвигается вперед в своем развитии, принимая законы и развивая институты, необходимые для разработки и реализации экономической политики, но политические реформы все еще необходимы, чтобы снизить озабоченность инвесторов относительно неопределенного состояния делового климата. Правительство Ирака стремится привлечь дополнительные прямые иностранные инвестиции (ПИИ), но оно сталкивается в этом процессе с рядом препятствий, включая озабоченность инвесторов по поводу безопасности и социальной стабильности. Сохраняющаяся коррупция, устаревшая и изношенная инфраструктура, недостаточное количество и качество основных услуг, нехватка квалифицированной рабочей силы и неадекватное современным условиям законодательство сдерживают инвестиции и продолжают сдерживать рост частного сектора в ненефтяном сегменте (Ахмед, 2020).

Государственный долг достиг $51,1\%$ ВВП в 2019 г. (IMF, 2020) и, по оценкам, незначительно увеличится в 2021 г. ($52,9\%$), что отражает ухудшение состояния государственных счетов. Инфляция остается под контролем с 2006 г. и сохранялась на низком уровне и в 2019 г. ($-0,2\%$) (IMF, 2020). В то же время, по оценке МВФ, ее уровень может составить 1% в 2021 г. и вырасти до $1,5\%$ в 2022 г., что обусловлено повышением внутреннего спроса в дополнение к росту цен на продовольствие и транспорт.

В социальной сфере Ирак продолжает сталкиваться с серьезными проблемами в области безопасности. По данным ЮНИСЕФ, каждый 4-й иракский ребенок живет в нищете и 4 млн нуждаются в помощи. Доступ к воде, электричеству и топливу для населения все еще очень ограничен. Уровень безработицы высок, особенно среди молодежи и женщин, но достоверные цифры отсутствуют. Государство представляет собой крупнейшего работодателя в стране, причем 4 из 5-ти созданных за последние годы рабочих мест находятся в государственном секторе, сообщает Всемирный банк (2021).

Численность рабочей силы Ирака составляет 3,7 млн человек из 39,1 млн его населения. В индустриальной сфере Ирака занято 23,5% рабочей силы (Всемирный банк, 2021). Его относительная доля в экономике продолжает расти после достижения 30-летнего минимума в 2015 г., но остается намного ниже уровней, наблюдавшихся в начале 2000-х гг. В сочетании с одним из самых низких показателей участия женщин в рабочей силе в мире, Ирак сталкивается с низким уровнем качества человеческого капитала, ухудшением условий ведения бизнеса и одним из самых высоких уровней бедности среди стран с доходом выше среднего (Iraq's Economic Update — October 2021). В сельскохозяйственном секторе по-прежнему занята почти 1/5 часть рабочей силы (18,6%) (Всемирный банк, 2021) из-за преобладания менее современных и производительных методов и климатических особенностей. Лишь около 1/4 всей площади территории Ирака пригодно для интенсивного земледелия и животноводства. Большая часть сельскохозяйственной деятельности сосредоточена в плодородных низинах на равнинах Месопотамии, орошаемых водами Тигра и Евфрата, и включает производство зерновых, зернобобовых и финиковых культур. Тем не менее, Ирак по-прежнему остается чистым импортером продовольствия. Соответственно, в сфере услуг находят рабочие места 57,9% работающих. Поэтому стране важно развивать данную отрасль, что, в свою очередь, требует дополнительных вложений, наряду со стабилизацией социально-экономической и политической ситуации в стране и в регионе.

Интересно отметить, что финансируемая Европейским союзом (ЕС) программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) запустила проект «Прекрасный Миссан» (*Beautiful Missan Project*, 2020), направленный на восстановление рекреационной инфраструктуры и создание рабочих мест в Ираке. Двухлетний проект призван поддерживать социально-экономический рост путем восстановления культурного наследия, благоустройства городов и развития экотуризма. Реализация проекта осуществляется в партнерстве с мухафазой Миссан и Оксфамом в рамках программы поддержки восстановления и стабильности в Ираке на основе активизации местного развития.

Однако иракским лидерам по-прежнему трудно воплотить имеющиеся макроэкономические достижения в повышение уровня жизни иракского населения. Безработица остается проблемой по всей стране, несмотря на раздутый государственный сектор. Чрезмерное регулирование затруднило иракским гражданам и иностранным инвесторам открытие новых предприятий. Коррупция и отсутствие экономических реформ, таких как реструктуризация банков и развитие частного сектора, тормозят рост хозяйственной инициативы граждан. В марте 2019 г. Ирак получил третий отказ от США в вопросе о разрешении стране импортировать энергоносители из Ирана. В то же время национальная экономика нуждается в иранском газе для производства электроэнергии, но также импортирует электроэнергию непосредственно из Ирана, поскольку национальное производство не покрывает спрос (Iraq's Economic Update — October 2021).

Выводы

Экономика Ирака остается нестабильной, и большой вклад в это вносят западные экономические санкции, последствия которых во многом сохраняют свое значение. В результате, несмотря на наличие экономического роста, страна сталкивается со значительными трудностями в экономической и социальной сферах.

Ираку и иракскому народу важно переосмыслить существующую экономическую модель развития, построить более диверсифицированную экономику, создающую возможности для всех иракцев, и восстановить общественный договор. По нашему мнению, система хозяйствования, навязанная Ираку извне, совершенно не подходит для развития национальной экономики на современном этапе. Поэтому, как представляется, стране нужно, опираясь на собственный опыт экономического развития, на национальные традиции и адаптированный опыт развивающихся стран Азии, в том числе Западной, разработать собственные подходы, механизмы, инструменты экономического развития в средне- и долгосрочной перспективе. А нефтяные богатства смогли бы стать основой для такой разработки.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Семичева В. О., Березина А. Э. (2015) Влияние экономических санкций на Ирак // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 6. С. 108–118. [Aidrous I. A. Z., Semicheva V. O., Berezina A. E. (2015) The impact of economic sanctions on Iraq // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 6. Pp. 108–118. (In Russian).]
2. Айдрус И. А. З., Меланьина М. В. (2016) Экономические санкции в условиях глобализации: проблемы и современная практика Ирака / В сборнике: Азия: вектор развития внешнеэкономического сотрудничества с Россией в условиях санкций. Ежегодник — 2016. Под ред. Л. В. Шкваря. Москва. С. 48–76. [Aidrous I. A. Z., Melanyina M. V. (2016) Economic sanctions in the context of globalization: problems and modern practice of Iraq / In the collection: Asia: vector of development of foreign economic cooperation with Russia in the context of sanctions. Yearbook — 2016. Ed. by L. V. Shkvarya. Moscow. Pp. 48–76. (In Russian).]
3. Ахмед Надир Надир Ахмед (2020) Экономическое развитие Ирака в условиях глобальной нестабильности / В сборнике: Социально-экономические проблемы регионов в условиях глобальной нестабильности. I Международная междисциплинарная научно-практическая конференция. С. 6–12. [Ahmed Nadir Nadir Ahmed (2020) Economic development of Iraq in conditions of global instability / In the collection: Socio-economic problems of regions in conditions of global instability. I International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference. Pp. 6–12. (In Russian).]
4. Бабенкова С. Ю. (2021) Экономическое положение Ирака. Есть ли выход в условиях современного кризиса? // Путеводитель предпринимателя. Т. 14. № 4. С. 102–118. [Babenkova S. Yu. (2021) The economic situation of Iraq. Is there a way out in the current crisis? // Entrepreneur's Guide. Vol. 14. No. 4. Pp. 102–118. (In Russian).]
5. Башер М. А. Б. (2019) Особенности и проблемы развития приоритетных отраслей экономики Ирака / В сборнике: Азия: государства в условиях глобальной нестабильности ежегодник-2019: сборник статей. Сер. "Азиатские исследования". М., 2019. С. 22–35. [Basher M. A. B. (2019) Features and problems of development of priority sectors of the economy of Iraq / In the collection: Asia: states in conditions of global instability yearbook-2019: collection of articles. Ser. "Asian studies". Moscow. Pp. 22–35. (In Russian).]
6. Меланьина М. В. (2018). Влияние санкционных ограничений на динамику внешней торговли России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (117). С. 4. [Melanyina M. V. (2018). The impact of sanctions restrictions on the dynamics of

Russia's foreign trade // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 11 (117). P. 4. (In Russian).]

7. Савинский А. В. (2018) Западные санкции и диверсификация: опыт Ирана // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 4 (14). № 3. С. 5–13. [Savinsky A. V. (2018) Western sanctions and diversification: Iran's experience // Geopolitics and Ecogeodynamics of regions. Vol. 4 (14). No. 3. Pp. 5–13. (In Russian).]

8. Филюкова Е. С. (2020) Этапы становления нефтегазового сектора Иракского Курдистана // Инновации. Наука. Образование. № 14. С. 114–124. [Filyukova E. S. (2020) Stages of formation of the oil and gas sector of Iraqi Kurdistan // Innovations. The Science. Education. No. 14. Pp. 114–124. (In Russian).]

9. Шкваря Л. В. (2017) Особенности взаимной торговли России и ЕС в условиях санкций // Научное обозрение: теория и практика. № 6. С. 26–34. [Shkvarya L. V. (2017) Features of mutual trade between Russia and the EU under sanctions // Scientific review: theory and practice. No. 6. Pp. 26–34. (In Russian).]

10. Beautiful Missan Project: Working towards rehabilitation of recreational infrastructure and job creation. URL: <http://iraqieconomists.net/en/2020/11/06/beautiful-missan-project-working-towards-rehabilitation-of-recreational-infrastructure-and-job-creation/>

11. BP statistical review of world energy 2021. 70th edition. URL: www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-statistical-review-of-world-energy-2021-a-dramatic-impact-on-energy-markets.html

12. IMF: Regional Economic Outlook Middle East and Central Asia, Oct. 2020. URL: <http://iraqieconomists.net/en/2020/10/27/imf-regional-economic-outlook-middle-east-and-central-asia-oct-2020/>

13. IMF: Regional Economic Outlook, Middle East and North Africa, 2019. URL: www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/Issues/2019/10/19/reo-menap-cca-1019.

14. Iraq's Economic Update — October 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/iraq/publication/economic-update-october-2021>

15. National Development Plan 2018–2022. URL: <https://www.mop.gov.iq/en/page/view/details?id=88>

16. Schweller R. L. (2011) The future is uncertain and the end is always near // Cambridge Review of International Affairs. Volume 24. Iss. 2. Pp. 175–184.

17. Schweller R. L. (2004) Unanswered Threats: A Neoclassical Realist Theory of Underbalancing // International Security. Vol. 29. No. 2. Pp. 159–201.

18. UNCTAD. URL: www.unctad.org

Iraq's Economy: recovery opportunities under economic sanctions

Ahmed Nadir Nadir Ahmed

Postgraduate student of the Department of Political Economy Faculty of Economics of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

The article presents the author's analysis of the evolution of the socio-economic system of Iraq for the period 2015-2020 and the forecast until 2022. The author substantiates the point of view that relatively stable economic progress in the last five years was the result of production

activities mainly of the oil sector of the economy, even despite the negative trends that formed in the global commodity markets in 2019–2020. Being a resource-rich country in the Middle East, Iraq has actually become a hostage of oil wealth, but, according to the author, if there is an effective and adequate national development strategy (internal and external), it can become a real basis for stabilizing and restoring growth in other sectors important to the state. The author comes to the conclusion that Iraq's significant potential can and should become a catalyst for growth and prosperity based on investments in non-oil industries and the development and implementation of an independent economic policy.

Keywords: *Iraq, economic development, economic sanctions, oil sector, non-oil sector.*

JEL codes: *E50, E60.*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Сотрудничество Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам в сфере туризма и перспективы его дальнейшего развития в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19

Шахигулин Антон Сергеевич¹

В статье рассматривается сотрудничество Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам в сфере туризма на современном этапе.

Подчеркивается важная роль туристической сферы для экономик обеих стран. Выявляются ключевые показатели отрасли туризма в России и во Вьетнаме, а также виды туризма, которые получили наибольшее распространение в этих государствах. Систематизируются и анализируются данные по въездным и выездным турпотокам из России во Вьетнам и из Вьетнама в Россию, по туристической инфраструктуре в обеих странах. Приводится оценка влияния пандемии COVID-19 на сотрудничество РФ и СРВ в туризме. Выявляются сильные и слабые стороны взаимодействия двух стран в данной сфере, а также даются рекомендации по преодолению последствий кризиса в туристических отраслях обеих стран и дальнейшему расширению сотрудничества.

Ключевые слова: туризм, туризм во Вьетнаме, туризм в России, сотрудничество в сфере туризма, пандемия COVID-19.

JEL коды: L83, N75, O53.

Введение

До 2020 г. туристическая отрасль была одной из самых быстроразвивающихся сфер мирового хозяйства. По данным Всемирной Туристской Организации (UNWTO), в 2019 г. общее количество международных туристских прибытий составило около 1,5 млрд, что на 3,8% больше, чем в 2018 г. (Vietnam National Administration of Tourism, 2020, p. 6).

В последние десятилетия стал заметен значительный рост туристского потенциала стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Социалистической Республики Вьетнам. Данный факт обуславливает важность исследования туристического потенциала этой страны, а также состояния сотрудничества России и Вьетнама в данной сфере и перспективах его дальнейшего развития в условиях продолжающейся пандемии новой

¹ Шахигулин Антон Сергеевич — магистр востоковедения и африканистики, восточный факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербург, Россия.

коронавирусной инфекции, оказывающей огромный негативный эффект на сферу туризма во всем мире.

Статья фокусируется на текущем сотрудничестве Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации в сфере международного туризма на современном этапе, включая пандемию *COVID-19*, ключевых показателях отраслей туризма двух стран, их особенностях. Также в работе приводятся рекомендации по расширению взаимодействия России и Вьетнама в сфере туризма и преодолению кризиса, вызванного пандемией.

Проблеме исследования сотрудничества России и Вьетнама в туристической сфере в научной литературе уделяется недостаточно внимания — имеется лишь ряд статей таких авторов, как А. М. Сазыкин, В. В. Стрельцов, А. Н. Максимов, До Хыонг Лан, Нгуен Нгок Линь. Однако эти исследования в основном направлены либо на изучение одного вида туризма (например, многие работы Сазыкина А.М. посвящены въездному туризму Вьетнама, Сазыкина В.В. — культурному туризму), либо фокусируются на каком-то одном аспекте проблемы вьетнамского туризма (Чан Тхи Хоанг Иен пишет о формировании имиджа Вьетнама как туристской дестинации, До Хыонг Лан и Нгуен Нгок Линь — о привлечении российских туристов во Вьетнам). Исследования же, посвященные комплексному исследованию современного взаимодействия РФ и СРВ в сфере туризма, практически отсутствуют в научной литературе.

В данной статье автор ставит перед собой следующие цели:

- 1) изучить современное состояние туристических отраслей во Вьетнаме и России;
- 2) рассмотреть особенности взаимодействия РФ и СРВ в сфере туризма в 2010–2020 гг., определить размеры взаимных туристских потоков;
- 3) оценить влияние пандемии *COVID-19* на сотрудничество двух стран в сфере туризма, выявить сильные и слабые стороны данного сотрудничества и дать рекомендации по преодолению кризиса в туристических секторах обеих стран.

Характеристика современного состояния туристических отраслей Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации

Перед тем, как перейти к вопросу сотрудничества РФ и СРВ в туристической сфере, представляется необходимым дать общую характеристику состояния туристических секторов этих стран в допандемийный период.

Согласно классификации ЮНВТО, в мире выделяется 5 главных туристских регионов: Северная и Южная Америки, Азиатско-Тихоокеанский регион, Африка, Ближний Восток и Европа. Как было отмечено во введении, в начале нового тысячелетия зафиксирован значительный рост туристического потенциала Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот регион, в свою очередь, подразделяется на 4 субрегиона: Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Северо-Восточная Азия и Океания (World Tourism Organization, 2019, p. 11). Субрегион Юго-Восточной Азии, куда входит Социалистическая Республика Вьетнам, — один из перспективнейших не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. На страны АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии), куда входят почти все страны, расположенные в данном субрегионе, в 2019 г. приходилось почти 10% от общего числа туристских прибытий и денежных поступлений в мире (World Tourism Organization, 2019, p. 53).

Социалистическая Республика Вьетнам расположена на восточном побережье Индокитайского полуострова. На западе она граничит с Лаосом и Камбоджей, на севере — с КНР, на востоке и юге омывается водами Южно-Китайского моря. Площадь страны — 329 566 км², население на 2019 г. — 96,2 млн человек. Столица страны — город Ханой, крупнейшие города — Ханой, Хошимин, Хайфон, Дананг.

В настоящее время вьетнамская туристическая отрасль, которой в 2020 г. исполнилось 60 лет, остается одной из ключевых для экономики СРВ, согласно резолюции № 8 Политбюро КПВ «О развитии туризма как ключевой отрасли экономики страны», принятой в начале 2017 г. В Резолюции сказано, что на долю туризма в экономике страны в будущем должно приходиться не менее 10% ВВП (Цит. по: Черненко, 2019, с. 71). В какой-то мере эта цель была достигнута в 2019 г., когда доля сферы туризма в ВВП страны достигла 9,2%, что говорит о больших успехах вьетнамских властей в развитии отрасли в допандемийный период. 22 января 2020 г. была утверждена «Стратегия развития туризма во Вьетнаме до 2030 года»: в ней были прописаны основные цели, которые в отрасли туризма планировалось достичь к 2025 и 2030 гг. Однако произошедшая в 2020 г. пандемия коронавируса привела к вынужденному пересмотру всех программ по развитию туризма.

Активное развитие туристической отрасли Социалистической Республики Вьетнам началось в 1990 г., а период с 2012 г. по 2020 г. стал для вьетнамской сферы туризма временем небывалого подъема, когда доходы страны от туризма с 2012 по 2019 гг. выросли в 4,5 раза (с 7 млн до 32 млн долл.) (см. табл. 1), а количество иностранных туристов увеличилось в 3 раза (с 6 млн прибытий до 18 млн прибытий) (см. табл. 2).

Таблица 1.

Доходы от сферы туризма СРВ в 2012–2018 гг.

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доход, млн долл.	6824	12363	13771	15165	17798	23076	27171	32826

Источник: составлено по: Statistics. Total revenue from tourists during 2008–2020.

Таблица 2.

Количество туристских прибытий во Вьетнам с 2010 по 2019 гг.

Год	Количество прибытий	Прирост по сравнению с предыдущим периодом, %
2010	5 034 712	33,3
2011	5 921 925	17,6
2012	6 744 158	13,9
2013	7 581 564	12,4
2014	7 887 013	4,0
2015	7 898 852	0,2
2016	10 012 735	26,8
2017	12 922 151	29,1
2018	15 497 791	19,9
2019	18 008 591	16,2

Источник: составлено по: Statistics. International visitors to Vietnam in 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019.

В 2019 г. крупнейшим поставщиком туристов для Вьетнама оставалась КНР: количество туристских прибытий из Китая во Вьетнам достигло 5 806 425, что составило 32% от общего числа туристов, посетивших СРВ в том году.

Республика Корея находилась на 2-м месте с количеством прибытий 4 290 802 и долей в 25% от всех прибывших иностранных туристов. 3-е место было за Японией, 4-е — за Тайванем с количеством туристских прибытий 951 962 и 926 744 соответственно. США замыкали пятерку стран-доноров туристов для Вьетнама в 2019 г. с количеством туристских прибытий 746 171 (Vietnam National Administration of Tourism, 2020, p. 13). По объему поступлений от туристов в бюджет СРВ в 2018 г. на 1-м месте находился Китай (4,038 млрд долл.), на 2-м — Республика Корея (3,923 млрд долл.), на 3-м — США (951 млн долл.), на 4-м — Россия (878 млн долл.), на 5-м — Япония (763 млн долл.) (Vietnam National Administration of Tourism, 2019, p. 17).

В последнее время немалое внимание во Вьетнаме уделялось развитию туристической инфраструктуры, в том числе строительству мест размещения туристов, точек общественного питания, аэропортов, дорог, подготовке гидов-переводчиков. По состоянию на 2019 г. в СРВ было зарегистрировано 2 667 туристических фирм (Vietnam National Administration of Tourism 2020 P. 23), аккредитовано 27 683 туристических гида, из них 15 056 гидов-переводчиков с иностранным языком (Vietnam National Administration of Tourism, 2020, p. 27). Большинство гидов (52,3%), работавших с иностранцами, вели экскурсии на английском языке — 7 878 человек. На 2-м месте был китайский язык: его использовало в работе 24,6% гидов, на 3-ем — французский (7,8%), на 4-м — японский (3,7%), и только на 5-м — русский (2,7%). В 2019 г. 80% иностранных туристов прибыли во Вьетнам воздушным транспортом (Vietnam National Administration of Tourism 2020, p. 25).

Количество мест размещения туристов (гостиниц, отелей, хостелов) во Вьетнаме непрерывно росло с 1990 г., т. е. с того момента, когда в страну начали массово прибывать иностранные туристы. В 2019 г. в СРВ насчитывалось почти 30 000 мест размещения с общим количеством номеров 650 000 ед. Среди типов мест размещения туристов преобладают гостиницы с категорией «звездности» от 1-й по 3-ю (5400 мест размещения на 162 000 номеров), хотя их удельный вес, начиная с 2015 г., постепенно снижался из года в год (Vietnam National Administration of Tourism, 2020, p. 29).

Весь Вьетнам можно разделить на 3 большие туристические зоны: Северная (дельта Красной реки, Ханой, прибрежные районы северо-востока и удаленные от моря горные районы на западе страны, где находится самая высокая в стране гора Фаншипан), Центральная (центральные районы страны, города Дананг, Хойан и Хюэ) и Южная (Нячанг, Муйне, Фантхиет — популярные города для пляжного отдыха, остров Фукуок, город Хошимин — экономическая столица страны, вся дельта Меконга). Основные центры культурного туризма в стране — Ханой, Хюэ, Дананг, Хойан, Нячанг, Далат, город Хошимин, Вунгтау.

Наибольшее распространение во Вьетнаме получили 2 вида туризма: пляжный и культурно-познавательный. Пляжный туризм более всего популярен в таких дестинациях, как: бухта Халонг (Северный Вьетнам), город Дананг (Центральный Вьетнам), города Нячанг, Муйне, Фантхиет, Вунгтау, остров Фукуок (Южный Вьетнам). Эти места отличаются наличием хороших пляжей и развитой гостиничной и другой туристической инфраструктуры.

Культурно-познавательный туризм в стране развивается благодаря многим факторам. Вьетнам обладает уникальной культурой, процесс формирования которой длился на протяжении более чем 5 000 лет. За это время культура Вьетнама испытала на себе огромное влияние других цивилизаций, прежде всего китайской и французской. Огромное культурное разнообразие привело к появлению в стране множества исторических, архитектурных памятников — их во Вьетнаме насчитывается около 7 300 (Джусь, 2016, с. 25), большого количества музеев, что также способствует развитию культурного туризма. Немалую роль играет наличие национальных меньшинств, таких как хмонги, джарай, тай, мыонги, тямы и других (всего в стране насчитывается 54 этноса). Таким образом, можно с уверенностью сказать, что современный Вьетнам обладает богатым культурным наследием разных эпох, которое было сформировано под воздействием различных цивилизаций.

Нельзя не отметить выросшую за период с 2015 по 2019 гг. конкурентоспособность туристической сферы Вьетнама. Ежегодно Всемирный экономический форум публикует рейтинг стран мира по уровню конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма. В 2015 г. в этом рейтинге Вьетнам по уровню конкурентоспособности занимал 75-е место в мире, в 2017 г. — уже 67-е место, а в 2019 г. поднялся на 63-е место (World Economic Forum, 2019). Такой рост — еще одно доказательство больших успехов вьетнамского государства в деле развития национального туризма.

Согласно вышеупомянутому рейтингу, сильные стороны туристической отрасли Вьетнама — ценовая конкурентоспособность (22-е место в мире); безопасность (56-е место в мире); уровень развития инфраструктуры воздушного транспорта (50-е место в мире); наличие культурных ресурсов и условий для деловых поездок (22-е место в мире, и по этому показателю СРВ опережает даже Сингапур); наличие природных ресурсов для развития туризма (35-е место в мире). Слабыми же сторонами туристической отрасли Вьетнама остаются недостаточный уровень развития туристической инфраструктуры, низкая экологическая устойчивость, слабый уровень гигиены и медицины, невысокий приоритет сферы путешествий и туризма в государстве, а также недостаточное использование информационно-коммуникационных технологий в сфере туризма (World Economic Forum, 2019).

Согласно классификации ЮНВТО, Россия входит в состав туристического региона «Европа», являясь частью субрегиона Центральной и Восточной Европы. Европейский регион по-прежнему самый посещаемый в мире — в 2019 г. на него пришлось 742 млн из почти 1,5 млрд туристских прибытий, то есть около 50% от всех туристических поездок (Шахигулин, 2020, с. 26). Однако роль этого региона в мировом туризме постепенно снижается, уступая место Азиатско-Тихоокеанскому региону и Африке.

Туристическая отрасль России проделала огромный путь с 1991 г. За 30 лет существования государства в его туристическом секторе были созданы современные средства размещения, построены новые транспортные узлы, туристическая инфраструктура, отреставрированы и восстановлены многие исторические памятники. Наличие разных климатических поясов, огромных лесных площадей, большого количества уникальных природных объектов, таких как озеро Байкал, гора Эльбрус, камчатские гейзеры, протяженного черноморского побережья обуславливает популярность в стране пляжного, рекреационного и экстремального туризма. В России имеется значительное число архитектурных, скульптурных памятников, культурных ценностей, открыто множество музеев, что способствует развитию культурно-познавательного туризма. Наконец, немалое

внимание уделяется и развитию делового и *MICE*-туризма, особенно в крупных городах — экономических центрах страны (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск, Владивосток и другие).

В табл. 3 представлены основные показатели туристической сферы России с 2014 по 2019 г. Как видно из данных табл. 3, за несколько лет, предшествовавших пандемии коронавируса, в России почти не изменилось как количество иностранных туристов, приехавших в страну, так и количество россиян, выезжавших за пределы страны с туристическими целями.

Таблица 3.

Основные показатели туристической отрасли России с 2014 по 2019 гг.

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Число въездных поездок иностранных граждан, тыс. чел	25 438	26 852	24 571	24 390	24 551	24 419
Число выездных поездок граждан России, тыс. чел.	42921	34390	31659	39629	41964	45330
Число средств размещения, ед.	15,590	20,135	20,534	25,592	28,074	28,302
Число объектов общественного питания, ед.	109,033	111,631	113,791	115,895	119,217	122,191
Вклад туризма в ВВП РФ, %	3,4	3,3	3,4	3,9	3,9	3,9
Количество туроператоров в Едином Федеральном реестре, ед.	4173	4110	4467	4553	4426	4613

Источник: составлено по: сайт Федерального агентства по туризму. Статистические показатели, характеризующие развитие туристской отрасли в Российской Федерации.

Первое может объясняться снижением привлекательности России как туристской дестинации на фоне ухудшения отношений с западными странами, низким имиджем российского туризма в целом. Второе — сокращающимися доходами населения, постепенным ужесточением визового режима для российских граждан со стороны европейских стран и растущими транспортными затратами. При этом количество мест размещения в эти годы показало почти двукратный рост — с 15 тыс. до 28 тыс. единиц. Незначительно увеличилось число мест питания туристов, на доли процента вырос удельный вес туристического сектора в ВВП страны. Нестабильным остается количество зарегистрированных российских туроператоров.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что туристический сектор России в последние годы сталкивается со значительными трудностями, препятствующими его интенсивному росту. Из причин сложившейся ситуации можно назвать экономические санкции Запада, наложенные на Россию, и как их результат — падение доходов населения, ухудшение инвестиционного климата в стране, социальную напряженность и т.д. Основные показатели Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма на 2011–2018 гг.», документа, на который опиралось развитие туризма в РФ в 2010-х гг., выполнены не были (Максимов, Белякова, 2020, с. 23).

При этом, однако, нельзя не отметить, что в рейтинге стран мира по уровню конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма в 2019 г. Россия находилась на 39-м месте, в то время как в 2017 г. — на 43-м, а 2015 г. — на 45-м. За 4 года наша страна в рейтинге поднялась на 6 позиций — такие темпы роста могут считаться неплохими.

Сильными сторонами туристической сферы России остаются высокий уровень развития медицины и гигиены (6-е место в мире), ценовая конкурентоспособность (27-е место), безопасность (98-е место), готовность к использованию ИКТ (48-е место) и человеческие ресурсы на рынке труда (35-е место). Слабыми сторонами туристической отрасли нашей страны в рейтинге названы природные и культурные/деловые ресурсы, слабая международная открытость, низкий уровень транспортной и туристической инфраструктуры (World Economic Forum, 2019).

В конце сентября 2019 г. Правительством РФ была принята «Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года», целевой установкой которой стали импортозамещение и «прорывные результаты» (Максимов, Белякова, 2020, с. 23). Но из-за пандемии коронавируса реализация намеченных планов будет отложена.

Сотрудничество между Россией и Вьетнамом в сфере туризма. Последствия пандемии COVID-19 для туристических отраслей двух стран. Рекомендации по преодолению кризиса в туризме и перспективы дальнейшего сотрудничества

Сотрудничество Вьетнама и России берет начало еще в те времена, когда Советский Союз активно помогал молодому вьетнамскому государству в борьбе с французскими колонизаторами, а затем — и с американскими агрессорами. В 2001 г. отношения между нашими странами получили статус стратегического партнерства, а в 2012 г. было принято решение повысить статус отношений до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства.

Сотрудничество РФ и СРВ в туристической сфере регулируется «Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области туризма», подписанным 24 ноября 1997 г. Основные принципы, которые закреплены в данном Соглашении:

- 1) стороны укрепляют и развивают сотрудничество в области туризма на основе равноправия и взаимной выгоды;
- 2) стороны способствуют развитию индивидуальных и групповых поездок граждан своих государств в Россию и Вьетнам;
- 3) стороны оказывают содействие своим национальным туристским администрациям в их деятельности по установлению и развитию сотрудничества между российскими и вьетнамскими туристическими ассоциациями, организациями, предприятиями.

Несмотря на то, что Вьетнам еще с 1 января 2009 г. отменил визы для россиян, въезжающих в страну на срок не более 15 дней, до недавнего времени турпоток из нашей страны в СРВ находился далеко не на высоком уровне. Так, в 2012 г. во Вьетнам приехало всего около 81 тыс. российских туристов. Однако в последующие 7 лет имел место почти двукратный рост количества российских туристов в СРВ (в среднем 17,5% в год (Vietnam National Administration of Tourism 2020, p. 38). Это обуславливается как повышением качества туристских услуг во Вьетнаме, так и улучшением его транспортной доступности — за последние 8 лет была значительно расширена полетная программа в эту страну (табл. 4).

Также нельзя не отметить в росте турпотока роли укрепления отношений между РФ и СРВ в политической сфере. В 2019 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании между Федеральным агентством по туризму и Министерством культуры, спорта и туризма Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области туризма на период

2019–2024 гг.», в котором обе стороны подтвердили свою приверженность дальнейшему развитию отношений в туристической сфере. В 2019 г. количество туристских прибытий из России во Вьетнам было рекордным — 646 524 прибытия, 6-е место по числу въездных туристов в СРВ в 2019 г. (Vietnam National Administration of Tourism, 2020, p. 13).

Таблица 4.

Количество туристов из России во Вьетнаме в 2011–2019 гг.

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество прибытий из РФ в СРВ, чел.	81618	298126	365163	33927	433987	574164	606637	646524

Источник: составлено по: Statistics. International visitors to Vietnam in 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019.

Самый популярный вид туризма у наших соотечественников во Вьетнаме — пляжный. В основном российские граждане отдыхают на пляжах городов Южного Вьетнама: Нячанга, Муйне, Фантхиета и на острове Фукуок. Нячанг начал активно развиваться как центр туризма с середины 2000-х гг. Теперь все его побережье застроено гостиницами, кафе, ресторанами. Муйне имеет неофициальное название «вьетнамские Гавайи» и популярен среди тех, кто любит виндсерфинг. Остров Фукуок стал набирать популярность у россиян совсем недавно, но благодаря тому, что средняя температура в течение года здесь колеблется от 28 до 31°C, это делает его пригодным для купания в течение всего года. (Джусь, 2016, с. 24).

Российских граждан, направляющихся в СРВ с культурно-познавательными целями, пока не так много, однако в будущем, по окончании пандемии *COVID-19*, можно ожидать дальнейшего роста числа таких туристов. Таким образом, в период с 2012 по 2019 гг. въездной российский туризм во Вьетнаме, несмотря на наличие некоторых трудностей, демонстрировал положительную динамику. Нет сомнений, что, если бы не случилась пандемия коронавируса, то турпоток из РФ в СРВ в 2020 г. продолжил бы рост.

В последние 8 лет, параллельно с увеличением количества российских туристов во Вьетнаме, шел также рост числа вьетнамских граждан, которые приезжали в Россию с туристическими целями (табл. 5).

Таблица 5.

Количество туристов из Вьетнама в России по годам (2014–2019 гг.)

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество туристских прибытий из СРВ в РФ, чел.	48870	29790	36291	42689	53753	58590

Источник: составлено по: сайт Федерального агентства по туризму. Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Российскую Федерацию.

Вьетнамское общество постепенно богатеет, растет доля среднего класса (в 2016 г. она составляла 13%), который испытывает невероятную тягу к путешествиям (The World Bank, 2019, p. 35). А учитывая хорошее отношение вьетнамцев к России, в особенности людей старшего поколения, из года в год увеличивалось число тех, кто хотел посетить нашу страну впервые или же мечтал о возвращении в нее спустя много лет после окончания учебы в университете. Так что рост интереса вьетнамских граждан к России в качестве туристской дестинации вполне объясним.

Автор данной статьи, как гид-переводчик, работавший с вьетнамцами, знает, что обычно в программу классического тура по России для вьетнамцев входит посещение Москвы и Санкт-Петербурга — двух крупнейших городов России, основных культурно-исторических центров страны, с посещением основных достопримечательностей столиц: Кремля, Храма Христа Спасителя, Воробьевых гор, здания МГУ, Государственного Эрмитажа, Исаакиевского собора, архитектурного ансамбля Петергофа, Екатерининского дворца и т.д. Есть туры, которые включают в себя посещение таких городов, как Ярославль, Сергиев Посад, Углич и других городов «Золотого кольца», а также Казани. По данным собственного исследования автора (было изучено предложение туров в Россию от 3-х крупнейших вьетнамских туристических компаний: компании «Сайгонтурист» (*Saigontourist*), компании «Вьетнамтуризм» (*VNTourism*) и компании «Вьеттрэвел» (*Viettravel*), в летний период 2019 г.), минимальная цена за тур в Москву и Санкт-Петербург находилась на уровне 1835 долл. (8 дней/7 ночей), максимальная — 3114 долл. (10 дней/9 ночей). Если же в программу входило посещение городов «Золотого кольца», то минимальная цена вырастала до 2341 доллара.

По прогнозам, сделанным в 2019 г., предполагалось, что Вьетнам в 2020 г. должен был принять не менее 20,5 млн иностранных туристов, а доходы от сферы туризма должны были составить не менее 35,5 млрд долл. (Số liệu..., 2019). Однако эпидемия коронавируса, переросшая в пандемию, нанесла огромный ущерб вьетнамской экономике и привела к значительному сокращению международных туристских прибытий в страну и доходов от отрасли. В первые 3 месяца 2020 г., когда Вьетнам еще был открыт для иностранных туристов, значительно сократилось количество путешественников по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. из ключевых для Вьетнама туристических рынков, таких как Китай (–32%), Республика Корея (–26,1%), США, (–21,4%) — эти страны первыми пострадали от распространения коронавируса нового типа (Huynh et al., 2021). Количество же наших соотечественников, посетивших Вьетнам с января по март 2020 г., наоборот, увеличилось на 13,6% по сравнению с январем–мартом 2019 г. В то время РФ еще не была затронута пандемией, серьезные ограничения не были введены, и поэтому у россиян еще был шанс насладиться вьетнамскими пляжами. В результате «2020 г. для туристической индустрии Вьетнама стал одним из самых сложных в истории — количество иностранных туристов сократилось на 79% — до 3,8 млн человек, а доходы отрасли упали почти на 56%» (Новая вспышка..., 2021).

С апреля 2020 г. Главное управление по туризму Вьетнама не ведет учет количества иностранных туристов, прибывших на территорию страны. На момент написания статьи (сентябрь 2021 г.) въезд на территорию страны с туристическими целями запрещен. Прибыть во Вьетнам могут только отдельные категории иностранных граждан (владельцы дипломатических и служебных паспортов, высококвалифицированные специалисты, члены экипажей воздушных судов). По прибытии для них действует карантин 21 день.

В нашей стране ограничительные меры на въезд иностранных граждан в начале 2020 г. были введены Распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. С 27 марта 2020 г. полностью прекратилось авиасообщение с другими странами, а с 30 марта — все иные виды международного сообщения. Согласно оценкам, туристический бизнес в России в 2020 г. из-за кризиса отрасли суммарно потерял около 1,3 трлн рублей от ежегодного оборота в 3,7 трлн рублей. Из-за пандемии коронавируса и закрытия границ между странами турпоток из России за рубеж сократился на 77%, из-за рубежа — на 93%, внутри страны — на 30–40% (Федеральное агентство по туризму РФ).

Несмотря на то, что в 2020 г. и в 2021 г. в России состоялись полноценные летние туристические сезоны и что постепенно наша страна снимает ограничения на въезд иностранцев в РФ, возобновляет прерванное международное авиасообщение, пока еще рано говорить о начале процесса восстановления нормального функционирования российской туристической отрасли. Более того, многие государства мира по состоянию на сентябрь 2021 г. все еще не готовы принимать иностранцев, в т.ч. россиян, прибывающих с туристическими целями, поэтому речи о восстановлении допандемийных уровней выездного туристического потока из нашей страны также не идет.

Анализ, проведенный в ходе данного исследования, позволяет сделать SWOT-анализ сотрудничества РФ и СРВ в туристической сфере на современном этапе (табл. 6).

Таблица 6.

SWOT-анализ сотрудничества РФ и СРВ в сфере туризма

Сильные стороны	Слабые стороны
1) Стабильный рост туристического потока в обе стороны в допандемийный период. 2) Активное желание властей обеих стран активизировать взаимодействие в сфере туризма на фоне растущего уровня политического сотрудничества. 3) Повышение доступности вьетнамских курортов для россиян благодаря расширению чартерных программ и улучшению уровня инфраструктуры воздушного транспорта в СРВ. 4) Высокий уровень безопасности российских туристов во Вьетнаме и вьетнамских туристов в России.	1) Недостаток эффективного использования имеющегося туристического потенциала двух стран. 2) Низкий уровень взаимодействия между Федеральным агентством по туризму (РФ) и Министерством культуры, спорта и туризма СРВ. 3) Недостаточное количество квалифицированных специалистов в отраслях туризма двух стран. 4) Сохраняющийся относительно слабый уровень конкурентоспособности туристического сектора обеих стран.
Возможности	Угрозы
1) Развитие новых видов туризма: экстремального, экологического, медицинского, гастрономического и т.д. 2) Дальнейшее облегчение визового режима для вьетнамских граждан. 3) Улучшение состояния туристической инфраструктуры обеих стран. 4) Расширение использования новейших технологий в туризме, проведение модернизации аэропортов, туристических транспортных средств, ремонт дорог и т.д. 5) Продвижение новых туристских дестинаций, таких как Куинен, Ниньтхуан, Даклак во Вьетнаме и Калининграда, Дальнего Востока, Алтайского края в России. 5) Дальнейшее повышение конкурентоспособности туристических секторов обеих стран. 6) Расширение взаимодействия между уполномоченными органами в сфере туризма РФ и СРВ.	1) Продолжающееся негативное влияние пандемии коронавируса. 2) Возможное ухудшение состояния и разрушение природных и архитектурных памятников в обеих странах вследствие увеличения турпотока. 3) Конкуренция со стороны стран с более высоким уровнем развития сферы туризма, прежде всего государств Европы и США. 4) Падение доходов граждан из-за экономического кризиса, вызванного пандемией.

Источник: разработано автором.

Хотя кризис в сфере туризма, вызванный пандемией *COVID-19*, все еще продолжается, уже сейчас можно дать ряд рекомендаций по активизации российско-вьетнамского сотрудничества в туристической отрасли в постпандемийный период:

1) Необходимо усиление обмена информацией о туристическом потенциале обеих стран, об их основных достопримечательностях. Следует продолжить практику организации фестивалей национальных культур в России и Вьетнаме с целью привлечения интереса к культуре обеих стран и, как следствие, развития культурно-познавательного туризма.

2) Необходимо сосредоточить усилия на дальнейшем упрощении визового режима для вьетнамских граждан, желающих посетить Россию с туристическими целями, так как это позволит увеличить въездной турпоток вьетнамцев в РФ.

3) Нужно активизировать усилия по расширению использования ИКТ в сфере туризма: создавать новые цифровые платформы для обмена информацией о туристических возможностях обеих стран, расширять использование социальных медиа для рекламы туров и услуг туристических компаний, а также для обмена опытом путешествий в этих странах и т.д.

4) Необходима комплексная государственная поддержка туристических секторов двух стран, так как сфера туризма остается одной из самых пострадавших из-за пандемии. В качестве возможных мер могут быть названы субсидирование малых и средних туристических фирм, поощрение за туристические поездки для граждан (возможно даже расширение программы «туристического кэшбэка» на россиян, которые захотят поехать во Вьетнам, в рамках приоритизации данного выездного направления) и т.д.

5) Следует проводить дальнейшую работу, направленную на рост конкурентоспособности туристических секторов России и Вьетнама, повышение их имиджа как туристских дестинаций.

Заключение

В 2010-х гг. сотрудничество между Россией и Вьетнамом в сфере туризма развивалось достаточно активно: рос взаимный турпоток, создавалась необходимая инфраструктура, интенсифицировались контакты по линии профильных ведомств. С приходом пандемии новой коронавирусной инфекции обмен туристами между нашими странами прекратился. Несмотря на то, что туристические отрасли обеих стран пострадали от кризиса в высшей степени, основа двустороннего взаимодействия в данной сфере, заложенная в допандемийные годы, будет способствовать восстановлению взаимных турпотоков. При этом туризму в обеих странах даже по окончании пандемии придется работать в новых условиях: отныне будет необходимо проводить регулярную дезинфекцию в местах размещения и питания туристов, учитывать изменившуюся психологию туристов: отныне при выборе дестинации люди будут ставить на первое место безопасность и отсутствие рисков заражения. Комфорт и возможность приобрести тур за более дешевую цену отойдут на второй план. Как с этими вызовами справятся туристические отрасли РФ и СРВ — покажет время.

Список литературы

1. Джусь Е. И. (2016) Особенности современного состояния туристских связей России и Вьетнама: выпускная квалификационная работа, направление: Организация туристской деятельности со странами Азии и Африки — Вьетнам, специальность: 100200 «Туризм» [Jus E. I. (2016) Specificities of the current state of tourism relations between Russia and Vietnam: final qualification work (In Russian).]
2. Новая вспышка *COVID-19* может уничтожить туротрасль во Вьетнаме [A new *COVID-19* outbreak could destroy the tourism industry in Vietnam (In Russian).] URL: <https://profi.travel/news/49541/details>
3. Максимов А. Н., Белякова Н. Ю. (2020) Анализ влияния пандемии *COVID-19* на внутренний и въездной туризм в России и перспективы наращивания конкурентного потенциала отрасли // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 16. С. 23–33. [Maksimov A. N., Belyakova N. U. (2020) Analysis of the *COVID-19* pandemic impact on domestic and inbound tourism in Russia and the prospects for increasing the competitive potential of the industry // The economic situation monitoring in Russia. Trends and challenges of socio-economic development. № 16. Pp. 23–33 (In Russian).]
4. Россия из-за пандемии оценила значимость туризма. Россия сегодня. [Russia assessed the importance of tourism due to the pandemic. Russia today (In Russian).] URL: <https://1prime.ru/business/20201229/832705866.html>
5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области туризма. Министерство иностранных дел Российской Федерации. [The Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Socialist Republic of Vietnam on cooperation in the tourism sector. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (In Russian).] URL: www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-292/47406?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_operator=1
6. Статистические показатели, характеризующие развитие туристской отрасли в Российской Федерации. Федеральное агентство по туризму. [Statistical indicators characterizing the tourism industry development in the Russian Federation. Federal Agency for Tourism (In Russian).] URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/statisticheskie-pokazateli-kharakterizuyushchie-razvitie-turistskoy-otrasli-v-rossiyskoy-federatsii/>
7. Федеральное агентство по туризму Российской Федерации (Ростуризм) [Federal Agency for Tourism of the Russian Federation (Rosturizm) (In Russian).] URL: tourism.gov.ru
8. Черненко Е. Ф. (2019) Вьетнам. Развитие туристической отрасли (на примере острова Фукуок) // Азия и Африка сегодня. № 6. С. 70–74. [Chernenko E. F. (2019) Vietnam. Development of the tourism industry (on the example of Phu Quoc Island) // Asia and Africa today. № 6. Pp. 70–74 (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750005169-7
9. Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Российскую Федерацию. Федеральное агентство по туризму. [The number of inbound tourist trips of foreign citizens to the Russian Federation. Federal Agency for Tourism. (In Russian).] URL:

<https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vezdnykh-turistskikh-poezdok-inostrannykh-grazhdan-v-rossiyskuyu-federatsiyu/>

10. Шахигулин А. С. (2020) Социалистическая Республика Вьетнам в системе международных туристических связей: выпускная квалификационная работа, направление: Востоковедение и африканистика, основная образовательная программа ВМ.5570.2018 «Востоковедение и африканистика» [Shakhigulin A. S. (2020) The Socialist Republic of Vietnam in the international tourism relations: final qualification work (In Russian).]

11. Huynh D. V., Thuy T. K. T., Long H. D., Nhan T. N., Giang V. H. D., Canh N. D. (2021) The *COVID-19* Pandemic and Its Impacts on Tourism Business in a Developing City: Insight from Vietnam // *Economies*. Vol. 9. Iss. 4. Pp. 1–17. <https://doi.org/10.3390/economies9040172>

12. The World Bank (2019). Taking stock: recent economic developments of Vietnam. Special Focus: Vietnam's tourism developments. Washington: The World Bank.

13. World Tourism Organization (2019) International Tourism Highlights 2019 Edition. Madrid: World Tourism Organization.

14. Tổng Cục Du Lịch (2019) Báo cáo Thường niên Du lịch Việt Nam 2018. Hà Nội: NXB Lao Động. [Vietnam National Administration of Tourism (2019). Vietnam Annual Tourism Report 2018. Hanoi: Lao Dong Publishing House (In Vietnamese).]

15. Tổng Cục Du Lịch (2020) Báo cáo Thường niên Du lịch Việt Nam 2019. Hà Nội: NXB Lao Động. [Vietnam National Administration of Tourism (2020). Vietnam Annual Tourism Report 2019. Hanoi: Lao Dong Publishing House (In Vietnamese).]

16. World Economic Forum (2019) Russia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition. URL: http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2019/country-profiles/?doing_wp_cron=1587579188.6525380611419677734375#economy=RUS

17. World Economic Forum (2019) Vietnam. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition. URL: http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2019/country-profiles/?doing_wp_cron=1587579188.6525380611419677734375#economy=VNM

18. Bạn từng giúp đất nước bằng việc ở nhà, bây giờ bạn lại giúp đất nước bằng việc đi khắp Vietnam URL: <https://kenh14.vn/ban-tung-giup-dat-nuoc-bang-viec-o-nha-bay-gio-ban-lai-giup-dat-nuoc-bang-viec-di-khap-vietnam-20200505041937261.chn>. [You used to help the country by staying at home, now you can help the country by going around Vietnam (In Vietnamese).]

19. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2012. Tổng Cục Du lịch Việt Nam [Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2012. Vietnam National Administration of Tourism (in Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2012&period=t12>.

20. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2013. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. [Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2013. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2013&period=t12>.

21. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2014. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. [Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2014. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2014&period=t12>.

22. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2015. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. [Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2015. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2015&period=t12>.

23. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2016. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. [Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2016. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2016&period=t12>.

24. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2017. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. [Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2017. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2017&period=t12>.

25. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2018. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. [Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2018. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2018&period=t12>.

26. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2019. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. [Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole 2019. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2019&period=t12>.

27. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 3 và cả năm 2020. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. [Statistics. International visitors to Vietnam in March and the whole 2020. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2020&period=t3>.

28. Số liệu thống kê. Tổng thu từ khách du lịch giai đoạn 2008-2020. Tổng Cục Du lịch Việt Nam [Statistics. Total revenue from tourists during 2008-2020. Vietnam National Administration of Tourism (In Vietnamese).] URL: <https://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/receipts>.

Cooperation between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam in the field of tourism and prospects for its further development in the context of the crisis caused by the *COVID-19* pandemic

Shakhigulin Anton Sergeevich,

*Master of Oriental and African Studies, Faculty of Oriental Studies,
Saint-Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Russia*

The article examines the cooperation between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam in the tourism sector at the present stage.

*The author emphasizes the important role of the tourism sector for the economies of both countries. The key indicators of the tourism industry in Russia and Vietnam, as well as the types of tourism that are most widespread in these countries, are identified. Data for inbound and outbound tourism flows from Russia to Vietnam and from Vietnam to Russia, on tourist infrastructure in both countries is systematized and analyzed. The author assesses the impact of the *COVID-19* pandemic on cooperation between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam in tourism. The article identifies strengths and weaknesses in two countries' cooperation in this sphere and gives recommendations to overcome the consequences of the *COVID-19* pandemic crisis in the tourism industries of both countries and to further cooperation.*

Key words: *tourism, tourism in Vietnam, tourism in Russia, cooperation in tourism industry, *COVID-19* pandemic.*

JEL codes: *L83, N75, O53.*

Экономическая помощь устойчивому развитию: ОАЭ поддерживают страны Союза Арабского Магриба

Золотова Екатерина Владимировна¹

В статье анализируются основные тенденции межарабского экономического взаимодействия на примере оказания со стороны ОАЭ экономической помощи устойчивому развитию стран Союза Арабского Магриба (САМ) в 2010–2020 гг. Автор обосновывает точку зрения, что помощь устойчивому развитию стран САМ со стороны арабских доноров, и прежде всего ОАЭ, сохраняет большое значение для этих государств на протяжении длительного периода. В настоящее время, по мнению автора, роль официальной помощи развитию, предоставляемой арабскими странами-донорами, и прежде всего ОАЭ как крупнейшего из «новых доноров», более бедным государствам актуализируется вследствие роста бедности и обострения социальных проблем в мире, особенно в мире арабском. По мнению автора, ряд развивающихся стран арабского мира, прежде всего САМ, не смогут без этой помощи обеспечить долгосрочное экономическое развитие и социальный прогресс в кратко- и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: официальная помощь развитию, «новые доноры», ОАЭ, Союз Арабского Магриба, Комитет содействия развитию, Цели устойчивого развития, Арабский мир (АМ).

JEL коды: F35.

Введение

Мировая экономика на рубеже веков и в первые 2 десятилетия нового столетия пережила достаточно много вызовов на глобальном и региональном уровнях. Эти вызовы, глобальные и региональные кризисы, как социальные, экономические, финансовые, так и военные, включая многочисленные «цветные революции», а также мировой демографический рост, ставят перед глобальным хозяйством и национальными и региональными экономическими системами новые задачи. Эти задачи связаны с необходимостью обеспечения прогресса в соответствии с Целями устойчивого развития на период до 2030 г. (ЦУР), с одной стороны, и с теми достаточно серьезными трудностями, с которыми сталкиваются в решении этих задач и в своем развитии многие страны развивающегося мира.

В этой связи актуализировалась деятельность механизмов помощи устойчивому развитию, прежде всего в рамках сформированного еще в 1960 г. механизма, который получил название «Официальная помощь развитию». Он был создан для решения различных

¹ Золотова Екатерина Владимировна — старший преподаватель кафедры мировой экономики Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

проблем бедных стран, поддержки их социально-экономического развития не на основе предоставления кредитов, а на основе безвозмездной помощи. Деятельность Комитета содействия развитию (*Development Assistance Committee, DAC*), который на 2021 г. включал 37 стран-доноров, в основной массе своей входящих в ОЭСР, вызывает в настоящее время пристальный научный интерес в связи с возможностью для развивающихся стран улучшить свое социально-экономическое положение в достижении ЦУР.

Исследователи изучают, прежде всего, мотивы ОПР, предоставляемой донорами. Установлено, что во многом эти мотивы связаны, по мнению авторов, с «колониальным прошлым», т.е. западноевропейские страны оказывают содействие своим бывшим колониям, а также иным государствам, экономики которых либо уже «привязаны» к крупной державе, либо находятся в процессе этой привязки (Swiss, 2016). Причем привязка эта довольно значительна, так как «Страны с низким уровнем дохода достаточно сильно зависят от ОПР» (Морозкина, 2019). В то же время эффективность ОПР остается дискуссионной, что и отмечается исследователями (Зайцев, 2011).

За истекшие с момента создания Комитета содействия развитию подходы к оказанию ОПР трансформируются, и эта трансформация также находит отражение в серьезных научных исследованиях (Дегтерев, 2014). Некоторые эксперты полагают, что растет роль ОПР, оказываемой на двусторонней основе, а не на многосторонней, более традиционной (Белецкая, 2019). Действительно, на рубеже веков появились страны, не входящие в КСР, но оказывающие ОПР и предоставляющие информацию об этой помощи — это Азербайджан, Болгария, Кувейт, Катар, Румыния, Саудовская Аравия и ОАЭ, так называемые «новые доноры». Особенность ОПР этих стран, по мнению исследователей, — преимущественное предоставление помощи на двусторонней основе (Kharas, 2007).

В данной статье нами сделана попытка проанализировать официальную помощь развитию, предоставляемую ОАЭ странам Союза Арабского Магриба (САМ), так как, на наш взгляд, в этом процессе формируются новые подходы и тенденции, требующие научного осмысления.

Результаты исследования

«Основной целью внешней помощи ОАЭ является сокращение бедности, содействие миру и процветанию, а также развитие взаимовыгодных экономических отношений путем расширения торговых и инвестиционных связей с развивающимися странами. В то же время она ориентирована на конкретные слои общества, уделяя особое внимание женщинам и детям во время стихийных бедствий и в районах конфликтов» (Swiss, 2016). Для ОАЭ особенное значение как реципиенты ОПР сохраняют государства арабского мира, в том числе страны Северной Африки (САМ).

Союз Арабского Магриба (САМ) был создан в 1989 г. Алжиром, Марокко, Тунисом, Мавританией и Ливией. За прошедшие годы САМ сумел сохраниться, несмотря на наличие множества внутренних противоречий и межстрановой конкуренции, а также на негативное воздействие глобальных факторов, включая события «арабской весны» 2011 г. Не будучи беднейшими странами на глобальном уровне, эти государства остаются небогатым сегментом арабского мира (см. табл. 1 и 2).

Как видно из табл. 1, ВВП у Марокко и Алжира выше среднего по странам Арабского мира, хотя доход на душу населения у них остается низким и сопровождается многими

социальными и хозяйственными проблемами и структурными дисбалансами, прежде всего связанными с экономическим неравенством.

Таблица 1.

Динамика ВВП стран арабского мира в 2015–2020 гг.,
млн долл. по текущему курсу в текущих ценах

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Алжир</i>	<i>165979,1</i>	<i>160034,2</i>	<i>170097,2</i>	<i>175415,0</i>	<i>171157,9</i>	<i>141758,0</i>
Бахрейн	31125,8	32267,9	35473,8	37652,5	38574,1	33954,6
Джибути	2445,5	2618,6	2766,9	2923,4	3166,3	3224,9
Египет	317744,6	270253,5	195135,3	249751,1	317359,3	358277,1
Ирак	166774,1	166602,5	190643,9	215489,5	225232,4	173485,8
Иордания	38587,3	39892,96	41408,5	42932,4	44502,8	43585,1
Йемен	26660,3	22037,3	20739,4	22902,9	24935,4	29457,2
Катар	161740,0	151732,2	166928,7	191362,1	183466,2	150421,8
Коморские о-ва	965,6	1012,1	1077,4	1178,5	1165,8	1191,8
Кувейт	114584,6	109406,5	120687,6	140665,5	134623,6	110943,1
Ливан	49939,4	51205,1	53140,6	54961,3	53367,0	59071,9
<i>Ливия</i>	<i>17665,7</i>	<i>15319,7</i>	<i>24804,8</i>	<i>34736,5</i>	<i>32600,1</i>	<i>14315,2</i>
<i>Мавритания</i>	<i>6166,9</i>	<i>6398,7</i>	<i>6758,4</i>	<i>7049,2</i>	<i>7593,7</i>	<i>7800,9</i>
<i>Марокко</i>	<i>101179,3</i>	<i>103311,9</i>	<i>109682,8</i>	<i>118096,2</i>	<i>119700,6</i>	<i>113694,9</i>
ОАЭ	358134,9	357045,2	385605,5	422215,0	421142,3	357044,7
Оман	68399,7	65480,5	70598,0	79788,8	76331,5	63507,1
Государство Палестина	13972,4	15405,4	16128,0	16276,6	17058,7	14998,1
Саудовская Аравия	654269,9	644935,5	688586,1	786521,8	792967,0	701817,0
Сирия	19090,1	12377,4	13341,5	16361,3	20379,2	18807,7
Сомали	1454,8	1455,7	1560,9	1553,4	1626,3	1582,0
Судан	83933,5	89671,3	122072,7	48363,5	34895,4	75449,6
<i>Тунис</i>	<i>43172,98</i>	<i>41800,6</i>	<i>39802,1</i>	<i>39770,98</i>	<i>38797,4</i>	<i>39268,6</i>
Всего ВВП стран АМ	2443986	2360265	2477040	2705967,5	2760643	2513657
<i>Средний показатель по странам АМ</i>	<i>111090,3</i>	<i>107284,8</i>	<i>112592,7</i>	<i>122998,52</i>	<i>125483,77</i>	<i>114257</i>

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD

Фактически, как видно из табл. 2, страны арабского мира можно по уровню дохода разделить на 3 группы: беднейшие (Йемен и особенно Сомали), чей подушевой доход ниже 1 тыс долл. в год, «богатые» (ССАГПЗ – Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, Саудовская Аравия и ОАЭ) с доходом от 20 до 52 тыс долл. в 2020 г. и страны со средним уровнем дохода — от 1 до 5 тыс. долл. на душу населения. Эти государства составляют большинство, и страны САМ входят в эту группу.

В этой связи страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), опираясь на значительные доходы от своего нефтяного экспорта, традиционно оказывают официальную помощь развитию – как многостороннюю, так и индивидуальную — государствам Союза Арабского Магриба. Одним из крупнейших доноров выступают ОАЭ и входят по объемам ОПР в Топ–10 в мире. Президент ОАЭ объявил 2017 г. Годом добра. В

рамках этой инициативы федеральное правительство ОАЭ, местные органы власти, а также частный сектор и гражданские институты запустили сотни гуманитарных инициатив, которые служат благотворительным целям в ОАЭ и за рубежом.

Таблица 2.

Динамика подушевого дохода стран арабского мира в 2015–2020 гг., долл.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Алжир</i>	4 178	3 946	4 110	4 154	3 976	3 233
Бахрейн	22 689	22 632	23 743	23 991	23 504	19 955
Джибути	2 676	2 818	2 931	3 049	3 252	3 264
Египет	3 437	2 861	2 023	2 538	3 161	3 501
Ирак	4 688	4 551	5 077	5 607	5 730	4 313
Иордания	4 164	4 175	4 231	4 308	4 405	4 272
Йемен	1 006	811	745	804	855	988
Катар	63 039	57 163	61 264	68 794	64 782	52 211
Коморские о-ва	1 242	1 272	1 324	1 416	1 370	1 371
Кувейт	29 874	27 650	29 755	33 999	31 999	25 979
Ливан	7 645	7 626	7 793	8 013	7 784	8 655
<i>Ливия</i>	2 752	2 360	3 769	5 201	4 810	2 083
<i>Мавритания</i>	1 524	1 537	1 578	1 601	1 678	1 678
<i>Марокко</i>	2 919	2 941	3 083	3 278	3 282	3 080
ОАЭ	38 663	38 142	40 645	43 839	43 103	36 100
Оман	16 029	14 619	15 131	16 521	15 343	12 436
Государство Палестина	3 085	3 323	3 397	3 347	3 424	2 940
Саудовская Аравия	20 628	19 879	20 802	23 337	23 140	20 159
Сирия	1 061	709	780	966	1 194	1 075
Сомали	105	103	107	104	105	100
Судан	2 158	2 250	2 991	1 157	815	1 721
<i>Тунис</i>	3 862	3 698	3 481	3 439	3 318	3 323

Источник: составлено по данным UNCTAD

ОАЭ стали первой страной с Аравийского полуострова, представившей полные данные в КСР ОЭСР, которые доступны с 2009 г. Кувейт начал предоставлять свои данные с 2010 г., а Саудовская Аравия — в 2015 г. Что касается негосударственных учреждений, которые представляют данные, то Арабский фонд экономического и социального развития (базирующийся в Кувейте), который входит в Лигу арабских государств (ЛАГ), начал представлять данные в 2008 г., а Исламский банк развития (базирующийся в Саудовской Аравии) — в 2012 г. Все эти новые доступные данные обеспечивают уровень прозрачности в отношении помощи из региона, который ранее был закрыт, что открывает целый ряд возможностей для исследований (Cochrane, 2021).

ОАЭ завоевали международное признание как первое государство Персидского залива, создавшее в 2013 г. Министерство развития и международного сотрудничества. Пять лет подряд, в 2013–2018 гг., доля ОПР ОАЭ в валовом национальном доходе (ВНД) превышала международный целевой показатель в 0,7%, обеспечивая в среднем 1,22 ОПР/ВНД. Еще более важным представляется тот факт, что ОАЭ также были крупнейшим донором с точки зрения ОПР/ВНД (Almatrooshi, 2019). В ОАЭ насчитывается более 40 частных и государственных организаций, предоставляющих иностранную помощь.

Государственное финансирование составляет почти половину от общего объема иностранной помощи ОАЭ (общее внешнее финансирование из правительственных и неправительственных источников из ОАЭ).

Иностранная помощь из ОАЭ странам САМ, как и другим государствам Африки и мира, предоставляется в форме помощи, грантов и займов как через правительство, так и через неправительственные организации с целью достижения этими государствами целей устойчивого развития (ЦУР). Эти проекты касаются здравоохранения, инфраструктуры, развития, борьбы с бедностью, реагирования на стихийные бедствия, беженцев и внутренне перемещенных лиц (UAE Foreign Aid 2014). Стоит отметить, что основная доля ОПР предоставляется Объединенными Арабскими Эмиратами на двусторонней основе. ОАЭ привержены своей «Политике внешней помощи ОАЭ на 2017–2021 гг.» для поддержки достижения 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) Повестки дня на период до 2030 г. Эта политика включает в себя 4 основных элемента (Krzyszowski, 2022):

1) Эффективная иностранная помощь (финансовая) нуждающимся людям и общинам для обеспечения общего процветания, мира и прогресса;

2) Техническое сотрудничество и помощь. Например, Программа технической помощи ОАЭ (*UAE TAP*) может быть использована для развития приоритетных отраслей в странах-реципиентах ОПР;

3) Активное взаимодействие в рамках многосторонних глобальных и региональных организаций в различных сферах экономического и гуманитарного развития;

4) Международные инициативы и мероприятия, предполагающие опосредованную иностранную помощь через совместную деятельность на территории ОАЭ и включают такие структуры, как Международное агентство по возобновляемым источникам энергии, Всемирный правительственный саммит, Всемирный гуманитарный форум и ЭКСПО–2020.

Все эти элементы присутствуют в ОПР странам Северной Африки (САМ). Странам Северной Африки в 2020 г. ОАЭ предоставили ОПР на сумму 1061,2 млн долл., что составило 81% от общего объема ОПР странам Африки, континента, получившего в стоимостном объеме наиболее крупные объемы ОПР из ОАЭ (1,3 млрд долл., или 47% от общего объема предоставленной иностранной помощи).

Крупнейшими получателям ОПР из ОАЭ в странах САМ стали Марокко и Мавритания (UAE Foreign Aid 2020), последняя — как наиболее бедная в регионе, к тому же значительно пострадавшая от глобальной пандемии. Кроме того, Марокко и Мавритания традиционно имеют крепкие связи с ОАЭ в сфере получения ОПР.

Еще с конца 1970-х гг. ОАЭ начали оказывать поддержку Мавритании в сфере устойчивого развития. В 1979 г. ОАЭ предоставили Мавритании кредит в размере 40 млн дирхамов для развития транспортной инфраструктуры, а Фонд развития Абу-Даби, как один из крупнейших доноров ОАЭ, в 1980 г. предоставил Мавритании кредит в размере 24 млн дирхамов для финансирования сельскохозяйственных проектов. В том же году правительство ОАЭ предоставило Мавритании кредит в размере 43 млн дирхамов для развития водных ресурсов. Фонд шейха Халифы Бен Зайда Аль Нахайяна предоставил Министерству водных ресурсов Мавритании высокотехнологичный скважинный экскаватор для добычи питьевой воды и удовлетворения потребностей населения в качестве безвозмездной помощи.

В 2000 г. Мавритания получила от ОАЭ 1,5 млн долл. для строительства в стране второй по величине больницы, которая была расширена в 2017 г. благодаря еще одному

гранту из ОАЭ и предоставляет медицинские услуги гражданам с низким уровнем дохода. ОАЭ также финансируют многие проекты развития в Мавритании в области транспорта, энергетики, горнодобывающей промышленности и услуг (Akhbar AlSaa, 2020).

В 2020 г. ОАЭ направили в Мавританию 3 самолета, содержащих более 32 метрических тонн медикаментов, испытательного оборудования и аппаратов искусственной вентиляции легких, а также специализированную медицинскую бригаду, чтобы поддержать усилия страны по сдерживанию распространения *COVID-19* (Under Directives...). Одновременно с этим ОАЭ выделили в 2020 г. 2,0 млрд долл. на финансирование инвестиционных проектов и проектов развития в Мавритании (UAE allocates...).

Марокко, как уже отмечалось, традиционно остается одним из крупных получателей ОПР от ОАЭ. Фондом шейха Халифы Бен Зайда Аль Нахайяна в Марокко построена сеть больниц. Марокко, а также Мавритании и Ливии в 2013–2020 гг. были предоставлены крупные денежные средства на проекты развития, такие как энергетика, сельское хозяйство, инфраструктура, проекты по смягчению последствий изменения климата, водоснабжение и санитария, а также на жилье и медицинские программы. Часть средств использовалась на благотворительные цели, такие как религиозное образование и сезонные религиозные программы.

ОАЭ активно развивают отношения в сфере ОПР с Тунисом, оставаясь лидером в области финансирования объектов в Республике Тунис с 1974 г. через Фонд развития Абу-Даби (ADFD), который был пионером в оказании Тунису помощи в реализации беспрецедентных проектов в промышленности, сельском хозяйстве, энергетике и сфере услуг. В середине 1970-х гг. были построены средние школы в нескольких тунисских мухафазах и основана деревня Аль-амре со всеми ее составляющими, соответствующими требованиям достойной жизни. Зимой 1989 г. Тунис был охвачен беспрецедентным наводнением, и ОАЭ предоставили стране гуманитарную помощь, включая продовольствие, одежду, обогреватели и другую жизненно важную материальную поддержку для удовлетворения потребностей населения. В 2013 г. ОАЭ выделили 200 млн долл. на улучшение здравоохранения Туниса, обеспечив большое количество тунисских больниц машинами скорой помощи и современным медицинским оборудованием. ОАЭ также поддержали гуманитарные усилия тунисского народа, который принял сотни тысяч перемещенных лиц, бежавших из Ливии во время ливийской революции, оказав Тунису материально-техническую и материальную поддержку в создании лагерей и расходах на их содержание на тунисско-ливийской границе. В ноябре 2020 г. ОАЭ направили в Тунис самолет с необходимыми медикаментами, в том числе 11 тоннами медицинского оборудования, контрольно-диагностическими приборами, аппаратами искусственного дыхания, мобильными установками для этой цели, а также средствами защиты населения и медицинских работников (ОАЭ и Тунис).

Стоит отметить, что, хотя ОАЭ оказывает ОПР странам САМ, основываясь на подходах и принципах ООН и ОЭСР, у страны имеются и собственная специфика, когда помощь оказывается непосредственно на основе собственных связей, которые во многих случаях сформировались уже давно прочно.

Выводы

ОАЭ, как и другие страны ССАГПЗ, оказывают ОПР странам Магриба на протяжении длительного периода (не менее полувека). Эта помощь сохраняет важное значение для обеспечения социально-экономического прогресса в странах САМ и достижения этими государствами целей устойчивого развития на период до 2030 г. ОАЭ рассматривают и декларируют эту помощь как элемент исламской поддержки стран Арабского мира. Они работают над активизацией своей гуманитарной роли в сокращении бедности в глобальном масштабе и оказании помощи нуждающимся странам и общинам. ОПР составляла помощь в целях развития (91%), гуманитарную помощь (7%) и благотворительную помощь (2%).

Однако изучение научной литературы и официальных документов позволяет нам говорить о том, что как минимум одной из целей ОАЭ в этой деятельности остается продвижение своих экономических интересов в регионе. Подтверждением этой точки зрения выступает тот факт, что в 2020 г. ОАЭ заняли 1-е место в регионе и 18-е место на международном уровне в Глобальном индексе мягкой силы.

Однако по факту, как показало исследование, ОПР со стороны ОАЭ для стран САМ содействует стабилизации, так как фокусируется на продовольственной безопасности, поддержке реализации нескольких различных сельскохозяйственных проектов, основываясь на собственном опыте в пустынной земледелии и поддержке развития сельских проектов, что крайне важно для стран региона. Также уделяется особое внимание специализированным программам в области транспорта, городской инфраструктуры, эффективности государственного управления, качественного образования, расширения прав и возможностей женщин и их защиты.

В целом ОПР, предоставляемую ОАЭ странам САМ, можно оценить как важную, значимую и достаточно эффективную.

Список литературы

1. Белецкая М. Ю. (2019) Двусторонняя официальная помощь развитию: факторы для стран-доноров // Журнал новой экономической ассоциации. № 3 (43). С. 95–114. [Belitskaya M. Yu. (2019) Bilateral official development assistance: factors for donor countries // Journal of the New Economic Association. No. 3 (43). Pp. 95–114. (In Russian).]
2. Дегтерев Д. А. (2014) Политическая экономия международной помощи // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 26–35. [Degtarev D. A. (2014) The political economy of international aid // World economy and international relations. No. 4. Pp. 26–35. (In Russian).]
3. Зайцев Ю. К. (2011) Проблемы эффективности содействия международному развитию: теоретические и практические аспекты // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 6. № 3. С. 105–118. [Zaitsev Yu. K. (2011) Problems of the effectiveness of international development assistance: theoretical and practical aspects // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. Vol. 6. No. 3. Pp. 105–118. (In Russian).]
4. Морозкина А. К. (2019) Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. №. 9. С. 86–92.

[Morozkina A. K. (2019) Official development assistance: trends of the last decade // World economy and international Relations. Vol. 63. No. 9. Pp. 86–92. (In Russian).]

5. ОАЭ и Тунис. Крепкие братские отношения перед лицом вызовов (2021) [UAE and Tunisia. Strong fraternal relations in the face of challenges (2021) (In Arabic).] URL: <https://24.ae/article/652743/>

6. Akhbar AlSaa. (2020) Solid UAE — Mauritania Ties. Set to Strengthen Further / The Emirates Center for Strategic Studies and Research. URL: https://www.ecssr.ae/en/reports_analysis/solid-uae-mauritania-ties-set-to-strengthen-further/

7. Almatrooshi B. (2019) The UAE's Foreign Assistance Policy and Its Contributions to the Sustainable Development Goals // Open Journal of Political Science. Vol. 9. Pp. 669–686. DOI: 10.4236/ojps.2019.94041.

8. Cochrane L. (2021) The United Arab Emirates as a global donor: what a decade of foreign aid data transparency reveals // Development Studies Research. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 49–62. <https://doi.org/10.1080/21665095.2021.1883453>

9. Kharas H. (2007) Trends and Issues in Development Aid. Wolfensohn Center for Development Working Paper No. 1.

10. Krzymowski A. (2022) Role and Significance of the United Arab Emirates Foreign Aid for Its Soft Power Strategy and Sustainable Development Goals // Social Sciences. Vol. 11. Iss. 2. P. 48. DOI:10.3390/socsci11020048

11. Swiss L. (2016) A Sociology of Foreign Aid and the World Society // Sociology Compass. Vol. 10 (1). Pp. 65–73. DOI: 10.1111/soc4.12336

12. United Arab Emirates. Ministry of Foreign Affairs & International Cooperation <https://www.mofaic.gov.ae/en/The-Ministry/The-Foreign-Policy/Development-Assistance>

13. UAE Foreign Aid 2014. URL: <https://www.mofaic.gov.ae/SiteCollectionDocuments/UAEFA2014-En.pdf>

14. UAE Foreign Aid 2020. URL: <https://www.mofaic.gov.ae/SiteCollectionDocuments/UAEFA2020-En.pdf>

15. UAE allocates \$2 billion for projects in Mauritania URL: <https://english.alarabiya.net/business/economy/2020/02/02/UAE-allocates-2-bln-to-Mauritania-projects->

16. Under Directives of His Highness Sheikh Mohamed bin Zayed, the UAE Sends Urgent Medical Aid to Mauritania in Fight Against COVID-19. URL: <https://www.mofaic.gov.ae/en/mediahub/news/2020/12/21/21-12-2020-uae-aid>

17. UNCTAD URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>

Economic assistance to sustainable development: The UAE supports the countries of the Arab Maghreb Union

Zolotova Ekaterina Vladimirovna,

Senior Lecturer of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

The article analyzes the main trends of inter-Arab economic cooperation on the example of the UAE providing economic assistance to the sustainable development of the countries of the Arab

Maghreb Union (SAM) in 2010–2020. The author substantiates the point of view that the assistance to the sustainable development of these countries from Arab donors, and above all the UAE, remains of great importance for these states for a long time. Currently, according to the author, the role of official development assistance provided by Arab donor countries to poorer states, and above all the UAE as the largest of the "new donors", is being actualized due to the growth of poverty and social problems in the world, especially in the Arab world. According to the author, a number of developing countries of the Arab world, primarily Arab Maghreb Union, will not be able to ensure long-term economic development and social progress in the short and medium term without this assistance.

Keywords: *official development assistance, "new donors", UAE, Arab Maghreb Union (AMU), Development Assistance Committee, Sustainable Development Goals, Arab World (AW).*

JEL codes: *F35.*

Инновационное и научно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией: современные особенности и проблемы

Исаев Магомед Никамагомедович¹

В статье осуществлен анализ современного этапа развития российско-китайского сотрудничества в сфере инноваций. Автором показано, что это сотрудничество активно растет в XXI в. Оно в целом соответствует двусторонним интересам обеих стран и приобрело значительный размах, выросло количественно и качественно, охватывает целый ряд сфер и отраслей, как традиционных, так и новых. Для этого существуют и внутренние причины, т. е. необходимость наращивания социально-экономического прогресса, а также внешние — современный этап инновационного и цифрового развития в мире и глобальный рост роли и значения цифровой экономики, ее вклада в национальную и международную экономику. Однако сохраняются и проблемы в сфере развития инновационного российско-китайского сотрудничества, в том числе — высокая зависимость обеих стран от сотрудничества с третьими государствами в инновационной сфере.

Ключевые слова: Россия, Китай, инновации, международное инновационное и научно-техническое сотрудничество, инновационный потенциал.

JEL коды: O31, O32, O33.

Введение

Научно-техническое сотрудничество России и Китая имеет длительную историю и добрые традиции. СССР традиционно оказывал Китаю достаточно значимую научно-техническую помощь и поддержку. Некоторые авторы полагают, что научно-техническое сотрудничество сторон зародилось еще в гораздо более ранние периоды, например, в XVII — второй половине XIX вв. (Цуй, 2013). Но на протяжении XX в. это сотрудничество охватывало не только военно-технические аспекты, но и медицину, и здравоохранение, энергетику, в том числе атомную, и машиностроение, транспорт, инфраструктуру и др. (Лунченкова, 2020). Оно велось достаточно широко и всеобъемлюще.

В новую эпоху актуальность российско-китайского сотрудничества в инновационной сфере возросла — под влиянием современных вызовов как в экономической и инновационной (страновой и международной), так и в глобальной политической сфере. У обеих стран существует понимание этой актуализации для решения как внутренних, стоящих перед странами, задач, так и нового витка развития НТП и инноваций в мире, и они стремятся к развитию и совершенствованию двустороннего сотрудничества в инновационной и научно-технической сфере (ИНТ). Страны уже имеют определенный — и достаточно неплохой — потенциал в инновационной и научно-технической сфере.

¹ *Исаев Магомед Никамагомедович* — кандидат экономических наук, начальник отдела организации работ по содержанию и сохранности автомобильных дорог, ФКУ Упрдор «Кавказ», филиал, Махачкала, Россия.

Например, Китай в 2017–2019 гг. занимал 1-е место в мире по количеству поданных заявок и патентов, число которых превысило в указанный период 103 тыс. (у России — 387 заявок, 15-е место). Но поскольку самостоятельное развитие всех направлений ИНТ развития не представляется возможным на практике, то возникает необходимость активизации ИНТ сотрудничества.

Это сотрудничество активно развивается, претерпевая динамичные изменения, поэтому данная сфера остается привлекательной для научных исследований как российских, так и китайских авторов, которые отмечают как сохранение традиционных сфер сотрудничества, так и появление новых — космонавтика, судостроение, искусственный интеллект (Герасимова, 2021), а также арктические проекты (Перская и др., 2019). Развитие сотрудничества между Россией и Китаем в Арктике, включая ИНТ аспекты, может иметь важное значение не только для двух стран, но и для Евразии в целом, включая страны Западной Европы (Gudjonsson, Nielsson, 2017).

Новые вызовы ставят перед странами и новые задачи в сфере ИНТ сотрудничества. Цель данной статьи — проанализировать современные особенности инновационного сотрудничества России и Китая, выявить как достижения, так и сохраняющиеся проблемы и предложить некоторые пути их решения.

Результаты исследования

Китай и Россия в XXI в. один за другим стали реализовываться крупные проекты научно-технического и инновационного сотрудничества, которое приобрело черты многоуровневого, широкого, диверсифицированного и рыночного. В 2020–2021 гг. две страны успешно провели Китайско-российский год научно-технических инноваций, что еще больше расширило глубину и широту научно-технического сотрудничества, в связи с чем стороны сформулировали дорожную карту сотрудничества и совместно организовали более 1000 мероприятий.

Первоначально едва ли не важнейшую роль в технологическом сотрудничестве РФ–КНР играли крупные (государственные) корпоративные проекты, в основном имевшие де-юре или де-факто статус межгосударственных. Можно выделить 2 наиболее крупных «блока». Во-первых, это успешное сотрудничество в ядерной сфере — от строительства Тяньваньской АЭС (не считая межправительственного соглашения 1992 г., реальным началом можно считать контракт 1997 г.) до работ по реакторам на быстрых нейтронах (*CEFR* и последующие проекты). Во-вторых, это развитие гражданской авиационной техники (до сих пор на ранних стадиях реализации). Важнейшим остается проект широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета *CR929* (обсуждался с 2008 г., соглашение заключено в 2014 г., в 2017 г. «Объединенная авиастроительная корпорация» и китайская *COMAC* создали СП «*China-Russia Commercial Aircraft International Corporation*», *CRAIC*). В работе находится и ряд иных инициатив, в частности, создание перспективного тяжелого вертолета *AC332 AHL* для китайского рынка («Вертолеты России» и китайская *Avicopter*) (Юй, 2020).

Параллельно шел сложный процесс выстраивания взаимодействия между российскими НИИ и вузами, частными китайскими компаниями и связанными с ними техническими университетами КНР.

По мере развития интернет-рынков и венчурного бизнеса в РФ этот процесс был дополнен единичными инвестициями китайских игроков в российские технологические компании и проекты. Например, можно отметить покупку в 2010 г. китайским гигантом *Tencent* доли в *Digital Sky Technologies* (собственник *Mail.ru Group*), совместный проект «Роснано» и *Thunder Sky* в сфере литий-ионных батарей в 2010 г., покупку *Wangsu Science&Technology* российского стартапа *CDNvideo* в 2017 г. и пр.

В 2000–2010-х гг., пусть и с серьезными изъятиями, расширились контрактные и торговые взаимодействия в сфере *Hi-Tech*. Китай импортировал российские передовые технологии, опытные образцы, оборудование и материалы, размещал заказы на проектные работы, сотрудничал с российскими специалистами в сферах машиностроения, электроники (в научной сфере), новых материалов, био- и нанотехнологий, приборостроения, медицины и сельского хозяйства. Россия же в основном импортировала китайскую продукцию, оборудование и, в меньшей мере, компоненты/субпродукты и технологии в таких сферах, как ИКТ, производственные технологии, пищевая промышленность, фармацевтика и биомедицина (Гришин, Пронина, 2016).

При всем оживлении отношений в сфере науки, техники и инноваций, до 2018 г. они имели, с одной стороны, крайне малый масштаб, а с другой — были лишены сколько-нибудь видимой систематичности и глубины. И это несмотря на обилие официальных документов, регулярные встречи ответственных лиц и лидеров двух стран, подчеркивавших необходимость развивать сотрудничество в сфере НТИ, а также рост числа площадок диалога ученых, инноваторов, бизнеса (гуманитарные технологии).

Причем наибольшие ограничения развития наблюдались как раз в тех отраслях, которые до 2010-х гг. оставались основой роста китайского сектора высоких технологий — микро- и персональной электронике. Объективно эта ситуация объясняется тем, что в последние 40 лет Китай направлен выстраивал систему кооперации в сфере НТИ прежде всего с США и в меньшей степени — со странами Западной Европы и развитыми экономиками Азии. Россия же долгое время не рассматривалась ни китайским руководством, ни корпоративным и научным секторами КНР как значимый и перспективный партнер.

Однако в настоящее время наблюдается быстрый рост интенсивности научно-технологических взаимодействий при наличии явного политического стимула с обеих сторон. Спецификой момента стал, с одной стороны, акцент на цифровых технологиях, а с другой — подчеркивание ведущей роли крупных частных китайских корпораций при сохранении прежней динамики по крупным двусторонним проектам в ядерной, аэрокосмической и иных «старых» сферах кооперации.

Более важен в контексте рассматриваемой темы выраженный интерес китайских цифровых корпораций к расширению и, главное, институционализации, взаимодействия в сфере отдельных передовых и прорывных технологий и технологических продуктов (Гучан, 2007).

Сотрудничество в области фундаментальных цифровых исследований и разработок остается одним из важных направлений инновационного сотрудничества 2-х стран. Еще в 1999 г. *Huawei* создал математический научно-исследовательский институт с алгоритмом в качестве основного направления исследований в Москве, предоставил долгосрочное финансирование российским научно-исследовательским институтам и персоналу. Благодаря сотрудничеству с Россией *Huawei* обеспечил себе плодотворные достижения в области инновационных алгоритмов, так как российский персонал, занимающийся исследованиями и

разработками в сфере алгоритмов между различными сетевыми стандартами, помог укреплять лидирующие позиции *Huawei* в мире цифровых алгоритмов (Чэн, Ван, 2019).

Huawei China и МТС, крупнейший российский телекоммуникационный оператор, достигли стратегического соглашения о развитии технологии 5G и развитии сети 5G в России, что стало важным фактором для укрепления сотрудничества в области технологий и стандартов между двумя странами. В соглашении указывалось, что *Huawei* предполагает помогать России в строительстве 5G и пилотировать запуск сетей 5G в России в 2019 и 2020 гг. В настоящее время в России построены 5G сети испытательных полигонов в Москве, Санкт-Петербурге и Казани. Российские эксперты считают, что у Китая и России очень хорошие перспективы сотрудничества в области телекоммуникаций, и в будущем у стран будет больше возможностей для сотрудничества в области 5G.

Согласно прогнозу Китайского института информации и связи, в 2030 г. рост производства в Китае от прямого и косвенного применения 5G достигнет 6,3 трлн юаней, что позволит создать более 8 млн рабочих мест. 5G способствует росту цифровой индустрии как за счет инвестиций, так и за счет потребления (Белая книга, 2017).

В 2019 г. ИСП РАН и *Huawei* открыли совместную R&D-лабораторию по развитию средств разработки программного обеспечения. Они в рамках стратегического партнерства создали совместную лабораторию, работа которой будет направлена на исследования и разработки в области компиляторных технологий и компонентов операционных систем.

Растет на российском направлении активность и другого гиганта китайской цифровой индустрии — *Alibaba Group*. Хотя планы по открытию в Москве одной из лабораторий ее глобального проекта DAMO Academy (озвучены в 2017 г.) не были реализованы, *Alibaba* в 2018–2019 гг. также постепенно расширяет проекты в России, в частности по линии своего Венчурного фонда. Взаимодействие с РФ в сфере специализированных информационно-коммуникационных технологий развивают игроки из иных отраслей, в частности, Китайская корпорация аэрокосмической науки и промышленности (*CASIC*) (Юй, 2020).

Трансграничное сотрудничество в области электронной коммерции также является новой точкой роста. В качестве важного направления для преобразования методов торговли трансграничная электронная торговля играет очевидную роль в расширении торгового пространства между двумя странами, достижении дополнительных преимуществ и более эффективном удовлетворении потребностей развития двух стран. В настоящее время *Alibaba* и *AliExpress* остаются наиболее часто используемыми платформами электронной коммерции для россиян.

Согласно статистике Российской ассоциации электронной коммерции, объем сделок на российском рынке электронной коммерции в 2017 г. достиг 1 трлн руб., из которых 374,3 млрд руб. пришлось на зарубежных партнеров, в том числе на Китай, и составили почти 90%. Российская экологическая еда также становится все более популярной в Китае.

Постепенный рост масштабов и глубины кооперации сопровождается развитием с 2018-2019 гг. системы финансовой поддержки сотрудничества в сфере НТИ. Речь идет о крупных инвестиционных фондах с участием российского государственного капитала. Прежде всего, здесь стоит отметить Российско-китайский венчурный фонд (100 млн долл.), который был создан Российско-китайским инвестиционным фондом (РКИФ) и китайской *Tus-Holdings*, а также Российско-китайский (научно-)технологический инновационный фонд (1 млрд долл.), созданный РФПИ и Китайской инвестиционной корпорацией (*CIC*). В 2018 г. было объявлено о намерении Российско-китайского инвестиционного фонда регионального

развития (создан в 2012 г. РФПИ и *CIC*) вложить до 300 млн долл. в 3 существующих и 2 новых фонда *Skolkovo Ventures*. Свою лепту в этот процесс внесли и условно-негосударственные акторы: так, в 2018 г. был создан Российско-китайский технологический фонд с капиталом около 100 млн долл., соинвесторами которого выступили ЗАО «Лидер» (дочернее предприятие ВЭБ РФ и структур «Газпрома») и *Shenzhen Capital*. По оценкам экспертов Сколково, растет интерес к РФ и со стороны частных китайских венчурных фондов.

Большая часть этих структур пока еще не приступила к активной деятельности. При этом доля китайских венчурных инвестиций на российском рынке все еще крайне невелика (по оценкам за 2017-2018 гг. около 1,5%). Это, очевидно, связано с тем, что многие игроки занимают выжидательную позицию, изучая ситуацию в РФ и оценивая реальный потенциал российских проектов, доформированием стратегии КНР на российском рынке инноваций и иными подобными факторами (Китай и Россия в 2017 г....).

Наконец, в отличие от предшествующих лет, китайские инвесторы стали проявлять растущий интерес к созданию инновационной инфраструктуры в РФ с особым акцентом на «большие» проекты. В частности, сообщается об уже сделанных и ожидаемых инвестициях китайских структур в Технологическую долину МГУ, Сколково, технопарк «Тушино». Помимо доступа к компетенциям ведущих российских вузов возможно, что эти решения объясняются еще и желанием продемонстрировать поддержку «флагманским» проектам общероссийского или регионального значения (своего рода оплата «входного билета» на рынок).

Таким образом, анализ открытых источников показывает, что на новом этапе Китай методично выстраивает каналы доступа к российским компетенциям и талантам с акцентом на перспективные научно-технологические коллективы и малые инновационные предприятия, а на перспективу рассматривает рост институционализации взаимодействий в сфере НТИ (корпоративные центры НИОКР, строительство корпоративных экосистем, венчурные инвестиции и т. д.). Текущий «цифровой» фокус этого процесса определяется состоянием российского научно-технологического комплекса и, что не менее важно, ставкой китайского руководства на усиление позиций своей электронной индустрии и интернет-компаний как ключевого фактора глобальной конкурентоспособности. Однако очевидно, что задачи поставлены более широко — от смежных технологических направлений до продвижения взаимодействия по тем отраслям и рынкам, которые рассматриваются КНР как приоритетные (космос, авиация, фармацевтика и пр.). На наш взгляд, Российской Федерации стоит обратить более пристальное внимание на систему государственной поддержки и защиты национальных субъектов хозяйствования в инновационной сфере, которая традиционно играет важную роль в странах Азии, причем и в Восточной, и в Западной (Исаев, 2013).

Китайская стратегия диалога с РФ в сфере НТИ рассчитана как минимум на среднесрочную перспективу и ныне лишь частично зависит от динамики китайско-американских отношений. Дело в том, что теперь уже окончательно ясно, что фокус американской политической элиты на технологическое сдерживание КНР и России остается приоритетом для западных стран, в том числе — для США.

Соответственно, китайские власти и компании по-новому оценивают возможности взаимодействия с РФ и продолжают расширение сотрудничества в сфере НТИ. Эффективность этого процесса зависит от наличия минимально благоприятных внутриэкономических

условий в России, отсутствия катастрофических внешних событий (худший вариант американских «санкций из Ада» или т.п.), а также корректных и эффективных мер на стороне российских федеральных властей и ведомств (включая Минобрнауки РФ, контролирующего систему вузов и бывших академических НИИ), а также политики крупнейших вузов и научных центров. Впрочем, вряд ли стоит ожидать череды прорывов наподобие решений *Huawei*. Скорее, теперь взаимодействие будет развиваться поэтапно с весьма осторожной и трезвой оценкой «промежуточных» результатов и адаптации конкретных решений под конкретные задачи (от покупки компаний до приглашения в КНР отдельных ученых и коллективов) (Костюнина, 2016).

Китай и Россия достигли определенных успехов в развитии цифровой экономики, но обе страны по-прежнему сталкиваются с огромными проблемами в процессе далеко идущего развития. Из-за различий в социальной экономике, технологиях, языке и других факторах цифровая экономика, представленная цифровыми продуктами и Интернетом, неравномерно распространилась по всему миру. Из-за развития индустрии электроники и телекоммуникаций, политики и правил, разрыв между уровнем услуг и степенью охвата сформировал барьеры в регионах двух стран (Юй, 2020).

Во-первых, в Китае отсутствуют эффективные и авторитетные каналы получения российской цифровой экономической информации: на официальном веб-сайте китайско-российского цифрового экономического сотрудничества недостаточно данных, он не обновляется своевременно, а научно-техническая информация вовремя не передается. Учреждения не могут хорошо общаться, что повлияло на процесс сотрудничества между двумя странами. В дополнение к этому, Китай не создал национальную китайско-российскую систему информационных сетей по цифровому экономическому сотрудничеству, и большинство проектов сотрудничества осуществляются по неофициальным каналам.

Во-вторых, баланс цифровых ресурсов между двумя странами должен укреплять исследования и разработки основных технологий. Наиболее фундаментальная причина существования цифрового экономического сотрудничества часто обусловлена пробелом в основных технологиях, а также потому, что информационная отрасль занимает чрезвычайно важное стратегическое положение в области экономики, обороны и безопасности, активных исследований в области основных технологий, особенно компьютерных, коммуникационных и микроэлектронных технологий. Технологии с независимыми правами интеллектуальной собственности в этой области особенно актуальны.

Но и за пределами «цифры» привлекательность технологического диалога с РФ для Китая растет. Помимо вполне традиционных авиакосмических работ (включая новые материалы и конкретные решения), по экспертным оценкам представительства Сколково в КНР в последние годы наблюдается выраженный рост числа контрактов в сфере технологических разработок и поставок технологической продукции и услуг из РФ.

Заключение

Несмотря на существенный потенциал, российско-китайское сотрудничество в сфере НТИ ставит перед РФ ряд непростых вопросов. Прежде всего, речь идет о своего рода «стратегической асимметрии». Если у КНР просматривается де-факто стратегия с понятными задачами и ставкой на развитие совершенно определенных направлений и форм

взаимодействия, с российской стороны подобного системного подхода не просматривается. Несмотря на то, что РФ объективно заинтересована в росте своей роли в глобальных цепочках добавленной стоимости, в том числе как источника перспективных разработок, явно требуются определенные усилия для того, чтобы этот процесс не превращался в нетто-донорство идей, технологий и талантов. В этом смысле известная несинхронизированность государственных мер по развитию технологического диалога с КНР с мероприятиями нацпроектов «Наука» и «Цифровая экономика», Национальной технологической инициативой и пр. вызывает определенные опасения. Во-вторых, при невозможности и нежелательности любой «конфронтации» между цифровыми корпорациями РФ и КНР очевидно, что налицо определенный «конфликт интересов» в части развития диалога с КНР и китайскими цифровыми гигантами с одной стороны, и ставки на усиление российских «цифровых» компаний с другой. Здесь тоже российской стороне не хватает стратегического видения, в том числе в части гармонизации интересов, и более последовательного государственного вмешательства и регулирования.

Определенный шанс на изменение ситуации, на наш взгляд, связан с возможной активизацией дискуссий по перспективам двустороннего сотрудничества в сфере НТИ. 2020-2021 гг. определены руководством обеих государств как Годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества. Кроме того, в 2020 г. РФ была страной-председателем БРИКС. Структуры и площадки, созданные для реализации обеих инициатив, могут быть функционализированы для выработки полноценного российского подхода к развитию отношений, а также для организации диалога с китайской стороной по гармонизации целей, задач и приоритетов. Однако этот шаг еще предстоит сделать, чему пока препятствует масса факторов — от отсутствия подобной задачи на уровне руководства страны до контрпродуктивных отношений между Президиумом РАН и Минобрнауки Российской Федерации (и, добавим, с институтами развития), конкуренции между академическими НИИ и вузами, слабой вовлеченности крупного российского бизнеса в обсуждение данных проблем.

Список литературы

1. Белая книга о развитии в Китае 5G и его экономическом и социальном воздействии: 5G будет непосредственно стимулировать общий объем экономического производства в размере 1,3 трлн юаней [White Paper on the development of 5G in China and its economic and social impact: 5G will directly stimulate the total economic output of 1.3 trillion yuan (In Chinese).]
2. Герасимова О. А. (2021) Российско-китайское научно-техническое и инновационное сотрудничество // Экономика и бизнес: теория и практика. № 4–1 (74). С. 108–111. [Gerasimova O. A. (2021) Russian-Chinese scientific, technical and innovative cooperation // Economics and Business: theory and practice. No. 4–1 (74). Pp. 108–111. (In Russian).]
3. Гришин О. Е., Пронина О. С. (2016) Российско-китайские отношения: некоторые векторы и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. № 3(9). С. 72–78. [Grishin O. E., Pronina O. S. (2016) Russian-Chinese relations: some vectors and prospects // Problems of the post-Soviet space. No. 3(9). Pp. 72–78. (In Russian).]
4. Гуманитарные технологии. Аналитический портал. Энциклопедия. [Humanitarian technologies. Analytical portal. Encyclopedia. (In Russian).] URL: <https://gtmarket.ru/organizations/united-nations/info#t3>

5. Гучан Л. (2007) Ради благополучия народа двух стран. «Национальные годы» придают новый импульс сотрудничеству // Проблемы современной экономики. № 2 (22). С. 8. [Guchan L. (2007) For the sake of the well-being of the people of the two countries. The «National Years» give a new impetus to cooperation // Problems of the modern economy. No. 2 (22). P. 8. (In Russian).]
6. Исаев М. Н. (2013) Государственное регулирование инновационного предпринимательства на примере стран Персидского залива / Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Российский университет дружбы народов. Москва. [Isaev M. N. (2013) State regulation of innovative entrepreneurship on the example of the Persian Gulf countries / Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Peoples' Friendship University of Russia. Moscow. (In Russian).]
7. Китай и Россия в 2017 году: сложный путь роста [China and Russia in 2017: a difficult path of growth (In Russian).] URL: [www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-china-and-russia-in-2017/\\$FILE/ey-china-and-russia-in-2017.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-china-and-russia-in-2017/$FILE/ey-china-and-russia-in-2017.pdf)
8. Костюнина Г. М. (2016) Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество» (АТЭС) / Международная экономическая интеграция: Учебное пособие / Под ред. Н.Н.Ливенцева. М.: Экономистъ. С. 191–217. [Kostyunina G. M. (2016) Forum "Asia-Pacific Economic Community" (APEC) / International economic integration: A textbook / Edited by N. N. Liventseva. M.: Economist. Pp. 191–217. (In Russian).]
9. Лунченкова А. А. (2020) Советско-китайское экономическое и научно-техническое сотрудничество в конце 1940–1950-х гг. / В книге: КЛИО–2020. Материалы Всероссийской ежегодной открытой научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых исторического факультета ИГУ. Науч. редактор Е. А. Матвеева. С. 75–78. [Lunchenkova A. A. (2020) Soviet-Chinese economic and scientific-technical cooperation in the late 1940s–1950s / In the book: CLIO–2020. Materials of the All-Russian annual open scientific conference of students, postgraduates and young scientists of the Faculty of History of the ISU. Scientific editor E. A. Matveeva. Pp. 75–78. (In Russian).]
10. Цуй Ч. (2013) Российско-китайское и советско-китайское научно-техническое сотрудничество: становление и развитие // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. № 5. С. 16–22. [Cui Ch. (2013) Russian-Chinese and Soviet-Chinese scientific and technical cooperation: formation and development // Scientific Review. Series 2: Humanities. No. 5. Pp. 16–22. (In Russian).]
11. Юй Х. (2020) Исследование инновационного сотрудничества цифровой экономики Китая и России // Креативная экономика. Том 14. № 7. С. 1239–1256. [Yu H. (2020) Research of innovative cooperation of the digital economy of China and Russia // Creative Economy. Vol. 14. No. 7. Pp. 1239–1256. (In Russian).]
12. Чен Х., Ван Ц. (2019) Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество в новую эпоху является взаимовыгодным и имеет широкие перспективы [Chen H., Wang J. (2019). Chinese-Russian trade and economic cooperation in the new era is mutually beneficial and has broad prospects (In Russian).]. URL: www.drc.gov.cn/xszyzcfx/20190920/4-4-2899406.htm/
13. Gudjonsson H., Nielsson E. T. (2017) China's Belt and Road Enters the Arctic // Diplomat. March 31. URL: <https://thediplomat.com/2017/03/chinas-belt-and-road-enters-the-arctic/>
14. Sun R. (2012) Introduction to e-commerce [M]. Beijing: Publishing House Tsinghua University Press.

Innovative cooperation between China and Russia: modern features and problems

Isaev Magomed Nikamagomedovich,

PhD (Economics), Head of the Department of organization of works on maintenance and safety of highways, Federal state institution Uprдор "Kavkaz", branch, Makhachkala, Russia

The article analyzes the current stage of development of Russian-Chinese cooperation in the field of innovation. The author shows that this cooperation is actively growing in the XXI century. It generally corresponds to the bilateral interests of both countries and has acquired a significant scope, has grown quantitatively and qualitatively, covers a number of spheres and industries, both traditional and new. There are both internal reasons for this, i.e. the need to increase socio-economic progress, as well as external ones — the current stage of innovative and digital development in the world. However, there are still problems in this area, including the dependence of both countries on cooperation with third countries in the innovation sphere.

Keywords: *Russia, China, innovation, international innovation cooperation, innovation potential.*

JEL codes: *O31, O32, O33.*

ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ / ECONOMY: THEORY AND HISTORY

**Strategies to achieve a successful negotiation in the industrial market economy
in conditions of coronavirus pandemic**

**Chidimma Rosemary Nwachukwu¹,
Berhane Debesay Semerelul²,
Zainullin Sergey Bulatovich³**

The relevance of researching the ways to be a successful negotiator is because negotiation is very important in every business communication. For a successful business transaction/deal which benefits all parties to be closed without conflict, good negotiation is needed as they contribute more to business success and a better relationship among business parties. In a situation of an ongoing pandemic, businesses are still been done, though not without its challenges as most negotiations are now done on Zoom and Teams.

In business, it is important to avoid any form of conflict and a good negotiation significantly contribute to business success as they help in building a better relationship, delivery good lasting solution that satisfies the needs of both parties and also help avoid problems and conflicts that might arise both then and in future, leaving each party satisfied with the willingness and desire to do business with each other again.

In this article, we are trying to point out how to be a good negotiator by creating a courteous and constructive interaction that will benefit both parties because negotiation requires give and take. How negotiations are carried out successful in the midst of the pandemic facing the Economy Market. We will also be explaining why negotiation is important, and outlines strategies and tactics for negotiating well. The relevant questions one needs to ask before negotiating, factors to consider, how to handles issues that might arise in business negotiations and the process to use when faced with such difficulties, important of using an agent during negotiations, sources of power in a negotiation and how to increase the power, the physical tools effective in negotiation, closing of deals, creating contracts and finally, the laws involve in negotiations.

Key words: *successful negotiation, resolving conflict, building trust, getting to know each party, pandemic, market economy, closing deals and satisfactions of each party.*

JEL codes: J500.

¹ Chidimma Rosemary Nwachukwu — Postgraduate student of the Department of National Economy, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

² Berhane Debesay Semerelul — Postgraduate student of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

³ Zainullin Sergey Bulatovich — PhD (Economics), Associate Professor of the Department of National Economy, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

Introduction

At the word “Negotiation” business dealings immediately comes to your mind. How can we talk about business without adding the word negotiation, we negotiate on all levels, new startup businesses, old existing businesses, the road side businesses, etc. We all negotiate on a daily basis be it for business or personal reasons, negotiation must be done. Obviously, negotiation is that word we cannot escape on our business dealings and daily lives activities. Ideally a successful negotiation is where you can make concessions that mean little to you, while giving something to the other party that means a lot to them. Your approach should foster goodwill, regardless of the differences in party interest (Siedel, 2014).

Oxford dictionary defines negotiation as a discussion aimed at reaching an agreement. In the business world, negotiation is a strategic discussion between parties intended to reach a beneficial outcome and resolves issue in a way that both parties find acceptable (Investopedia.com, n.d.). It is also said to be an interaction and process between entities that compromise to agree on matters of mutual interest, while optimizing their individual utilities.

Negotiators need to understand the negotiation process and other negotiators to increase their chances to close deals avoid conflicts, establishing relationship with other parties and gain profit. A good negotiator will not allow a challenge, like the *COVID-19* pandemic which has affected the Economy at large to stop him from achieving a successful business decision. In a negotiation, each party tries to persuade the other to agree with his or her point of view, whether the business negotiation was done in person, or online due to pandemic.

Questions to ask

As we all know that in business, negotiation are very important skills in both informal day-to-day interactions and formal transactions such as negotiating conditions of sale, lease, service delivery, and other legal contracts. By negotiating, all involved parties try to avoid arguing but agree to reach some form of compromise. Therefore, we ask ourselves some questions like;

1. Is negotiation necessary? Should we negotiate?

The answers are Yes, because negotiation is the key to any successful business. A good negotiator has a high chance of growing the company faster and bringing in profitable contracts which are the forces that keep the survival of businesses, also a good negotiation skill can lead to a career growth.

Factors to consider before Negotiating (Preparing to Negotiate, 1998):

- Your time: think about your cost and benefit while negotiating, the time spent is it worth the amount discounted?
- Risk: you have to consider the possible risk involve and do a research analysis before embarking on the negotiation to be sure it is worth the risk.
- Means: For instance, in a situation where you cannot go in person to negotiate and close business deal due to some unforeseen circumstances, like a crisis, pandemic (*COVID-19*). You have to think and consider other means of meeting. You have to consider using *Zoom*, *Teams*, *WhatsApp* video etc. just to keep the business going (Paul, 2020).

2. Is it a position-based or interest-based negotiation?

Negotiation is very much positioned because more than one party is involved and everyone has to take their best position. The best negotiation is when both sides leave happy after the deal. Regardless of a negotiation been position-based or interest based, always search for underlying interest in an attempt to build a larger pie (McNulty, 1995).

And never fail to ask yourself some interest-based questions like, why do you want this deal? What are the benefits? What type of negotiation are you involve in? (Maude, Maude, 2014).

3. Am I trying to resolve a dispute or make a deal?

When making a deal, focus on the interest of the parties to develop a solution that will benefit both sides. Remember also that when a dispute comes up with the other part (maybe a key customer) remember to withdraw from the dispute whether you are right or wrong because you would not want to lose the customer for future business after that negotiation. While trying to keep the customer, never forget to negotiate an agreement based on your needs.

4. Is this a cross-cultural negotiation?

In every negotiation try to analyze your own interest and also the other party interest, finding out why they want what they are interested in, though this is mostly challenging finding out the other party interest in cross-cultural negotiation because of the difference in negotiating styles, value and belief. Culture can influence the success of negotiation because of the many divers in culture, at times in order for deal to be successful; you might need to adopt the other partner/country's style moderately.

In cross-cultural negotiation, do a gap analysis to identify how your negotiation style differs from the other side, keeping in mind that there are variances within each culture. Conduct research in order to avoid actions that might be offensive in the other culture (Adler, Graham, 1989).

5. How should I handle ethical issues?

Always think of standards to consider when handling ethical issues:

- Law Based Standards;
- General Ethical Standards (Rivers, 2003).

Table 1.

Important standards in negotiation

Law based standards	General ethical standards
Fraud force (representation of material facts)	Organizational standard
Fiduciary duty (a high duty of trust and loyalty)	Mentorship (someone you admire)
Unconscionability (violates principles of good conscience)	Personal standard (newspaper, family, golden rule test)

Source: compiled by the authors.

Therefore, you must keep it in mind that before you begin any negotiation, you select one or more of the general standards and use it as a guide for future negotiation.

6. What is your overall goal?

Consider the issues most important to you in reaching your goals;

- your reservation price (i.e. the lowest price you can accept);
- your most likely price (normal price);
- your stretch goal (highest price), be careful with your stretch goals, it could lead to losing the customer completely;
- your best alternative to a negotiation agreement (*BATNA*).

7. Should I use an agent to negotiate?

In situations where the company involve is a big and well known one, it will be advisable to use an agent, it might even be a secret agent, this is required in order for the seller not to high the price outrageously.

Factors to consider when hiring an agent:

1. Is the agent a better negotiator?
2. Does the agent have a good understanding of how *Zoom*, *Team* and other ways of having online meeting works?
3. Does the agent have more experience in negotiating the issue that might arise?
4. How much do I have to invest in a negotiation?
5. What is my relationship with the other side?

Note; do not assume the other side agent have full authority just because they are negotiating with you. Therefore, it is always advisable to find out the kind of authority they have, if it is a legal authority, find out this information from the company directly not from the agent.

There are three types of authority the agent might have:

1. Express;
2. Implied;
3. Apparent.

This information is needed in order to avoid time wastage (Matos et al. 1998).

8. Your alternative if your deal fails.

If you cannot negotiate the settlement of a dispute either directly or with the help of a mediator, then you should think of an alternative. Naturally, not all deals pull through. Therefore, have a positive attitude in a failed deal and learn things you did not do so well that made the deal not to succeed, avoid the mistakes and strive to do better in another deal.

How to achieve successful negotiation in the *COVID-19* pandemic

According to Paul Fisher, no matter the kind of means we are using to negotiate, whether *Zoom*, *Teams*, *WhatsApp* or *email*, we need to put in our best and try to arrive at a good agreement. Many people still find it difficult adapting at the new means of conducting meetings due to the lockdown caused by the pandemic in the economy. I believe that when it comes to negotiating virtually, we still have a long way to go in replicating as successfully online the deals we achieve in person. We need to understand that it is not so difficult to negotiate online and closing a deal whether with *Zoom* or *Teams* is still attainable (Paul, 2020).

Tips for being a successful online negotiator:

1. Focus on relationships: it doesn't matter if the deal is online or offline, what matters is how well you build a good relationship with your partners. Successful negotiations are built on

relationships that are characterized by trust and respect. Therefore, do not conclude that you can take a short cut on relationship building just because your business negotiation is online. Make effort to know your business partners, things you have in common and create time to discuss more and know each other.

2. Have strong emotional antennae

One disadvantages of online negotiation is that you will not be able to recognize when your partner is unhappy, anxious, angry or displaying other emotions. Be a good and clear communication; do not fail to check in on your partner.

3. Use the platform that works best for you

As there are many virtual platforms for negotiations like *Zoom, Teams, WhatsApp, Email, Telegram* and each platform have its own unique benefit, it doesn't matter the exact platform you choose to use during your negotiation. The key is to focus on what you and your partner feel most comfortable with. It doesn't matter if you have to use different platform on different occasion, the important thing is to close a deal and every one will be happy (Paul, 2020).

Negotiate (Use key tactics for success)

Under this tactic, this article will be focusing on using all the necessary and key tactics for a successful negotiation. Tactics like:

- Getting to know your negotiating partner: Try to spend time getting to know the other side, equate the quality of the other side, and find out if they are people you can trust. knowing them avoid your favorite topic so you can avoid talking too much. Ask a lot of questions. Try to be a good listener as well as a good conversationalist, develop trust and treat each other fairly (Ronald M. Shapiro, 2015).
- Understand your power: find out your source of power in any negotiation, get as much information as possible because it represents your main source of power in any negotiation and you can get such information by asking lots of questions during the actual negotiating process. The best negotiators are not just people that persuade the other party during the negotiating process but they are the ones that get a lot of information by asking questions relevant enough and using such information to analyze their position and interest. Do not just ask questions but listen carefully and analyze your answers (Fisher, Ury, Patton, 2011).
- Using psychological tools: There are several psychological tools to apply while negotiating.

Table 2.

Using psychological tools

Psychological Tools	Brief Explanation
1. Mythical Fixed Pie Assumption	An assumption that our interest conflict with the interest of others.
2. Anchoring	Anchoring on an initial value when trying to evaluate an item that has an uncertain value.
3. Overconfidence	Most human are overconfidence that their judgement are correct and most times. Overconfidence can have an impact on the success of the negotiation.

4. Framing	The way that frame choices can affect our decisions.
5. Availability	We are influence and make decisions on the information most easily available
6. Escalation	The most successful negotiators always look at negotiations from the other side perspective.
7. Reciprocation	Feeling the need to repay what someone has given.
8. Contrast Principles	Things look different when presented in sequence than they do when presented in isolation.
9. Big Picture Perspective	Never get lost in details. When negotiating always keep in mind the big picture of what your client wants to achieve and always come back to avoid the trap of being lost in the details.

Source: compiled by the authors.

Close (create a contract)

A contract is an agreement enforceable by law. There are many perspectives to use in looking at a contract.

- Global perspective: (will my contract be enforced globally?).
- Business perspective: (obtaining a contract is the primary goal of every business entity).
- Personal perspective: (in a world of business contract, you as the writer control the script and produce the play).

The key message is that regardless of where you make the contract, you exercise a principle known as “freedom of contract”, the Law gives you a lot of freedom in writing that contract to credit your responsibilities and also to create your duties. In exercising this freedom, there are well laid framework of legal principles one can use in future negotiation (Falk, 1992).

Variables in determining contract laws

The first variable is to determine the kind of legal system you are in, this legal law is divided into common and civil laws.

Table 3.

Kind of legal system	
Common law countries (developed in England)	Civil law countries (developed in European Union)
In this law the lawyers spend a lot of time finding cases very similar to the contract negotiation one is involve in so as to give advice	Here, a lawyer will get to the code in order to find the principles that governs your situations and they use a deductive process in coming up with legal advice.

Source: Falk, 1992.

There are differences between negotiating in civil or common law countries, even as laws in both countries overlap at times.

In civil law countries, the contract is little but shorter because they cooperate code by reference while in common law countries lawyers spend a lot of time trying to think of every possible scenario that might occur in trying to cover all eventualities in the contract.

The second variable to determine the type of law is “what type of contract are you dealing with”? This type of contract can be divided into:

- Contract for the sale of real estate (property)
- Contract for sale of services
- Contracts for sale of product goods

The contract for sale of real estate and services are common laws verses civil law depending on the country. While the contract for the product goods has a code, which is called “uniform commercial code” in the United State.

In creating contracts, these are the key elements;

- Is there an agreement? Did one side make an offer and did the other side accept the offer? Meaning that there must be an agreement between both sides before it can be a contract.
- Is there a consideration? Having consideration in a contract agreement is a wise thing to do, both parties must consider the other party’s side and sometimes, sacrifices have to be made by each side for a deal to be binding (both sides have to give up something).
- Is the agreement legal? You have to be sure that whatever business/contract or binding agreement is legal for the contract to be accepted and successful.
- Must the deal be in writing? Here, one has to be sure if the agreement is in writing and also if the writing is required and the practical approach. If the agreement is in writing, then it is enforceable because it has been agreed and signed by both parties, therefore it is necessary and also important that in a contract agreement it is safer and reliable if it is in writing (Miller, 2014).

In creating a contract, tension usually arise between business and legal objective. This tension is divided into

1. Loss prevention (legally perfect contract).
2. Value creation (achieve your business goals).

The focus of law (lawyers) is on preventing losses, they want to create a prefect legal contract while the focus of people in business is value creation, they want to create value and achieve their business goals. These contract tension between the legal and the business aspects leads to these questions; how can we refocus contract so that the business objective will not become lost in the legalities of the written agreement and how can we make the legal terms more understandable.

Contract performance and evaluation

Alternative dispute resolution (ADR) has some importance which are:

- you negotiate ADR contract clauses;
- you participate in ADR process;
- you act as a third party in resolving work dispute.

The end game of performance and evaluation are:

- Dispute prevention;
- ADR concepts (mediation and arbitration);
- ADR tools (cooperate pledge, screen, contract clauses and online dispute resolution).

Definition of some terms

Arbitration: This is a dispute resolution method which is carried out outside the court. The arbitrator can either be a lawyer or just an arbitrator.

Mediator: Mediation is considered a problem-solving process, they are sometimes called the traditional (problem solving), which are of different types.

Facilitative, evaluative and transformative mediation.

- For the facilitative, the goal of the mediator is to facilitate conversation discussion in negotiation between the two sides to reach a settlement.

- With the evaluative, the mediator will do the above same thing like in the facilitative except that the mediator will be asked to give evaluation of the mediation to provide certain expertise.

- Finally, the transformative goal is more than solving a specific problem, it is also to transform the relationship between the parties by giving each party especially the party without much power and voice the opportunity to express his/her feelings. Here the mediator meets privately with each party to find out if they have private concerns they do not want to express openly to the hearing of the other party. The mediator will then try to mediate and express the option of each party and help them reach a settlement or agreement.

There are times that the mediator will notice that each party might never reach an agreement especially when the agreement gap is wide, in situations like this, a litigator comes in (Simons, Tripp, 1997).

Conclusion

Negotiation is a very broad topic which we come across daily, everyone at one point or another negotiated, it could be at the grocery stores, clothing stores, food outlets and coffee shops. The more reason this research on “negotiation” was carried out is that by negotiating, we are likely to make the best business deals and best choices. Some negotiations require the use of a skilled negotiator such as an advocate, a real estate agent/broker, or an attorney. In the current *COVID-19* pandemic facing the economy of the industrial market, virtual negotiations are going to become ever more prevalent.

Negotiators at times make use of the assistance of mediators, they play a role and this mediator's roles are accepted by the parties, they carry and pass messages between the parties giving each of them an outsider's view of their position and/or its prospects, suggesting possible solutions to whatever issues divide the negotiators. They are the problem-solving process, but in all these cases, the final decisions are still left in the hands of the parties.

Having a successful negotiation takes more than just persuading the other party, it involves listening, getting tangible information and also knowing how well to use your information. A deal is finally closed successfully when both parties are happy and satisfied.

References

1. Adler N. J., Graham J. L. (1989) Cross-Cultural Interaction: The International Comparison Fallacy? // Journal of International Business Studies. No. 20(3). Pp. 515–537, <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490367>

2. Definition of negotiation. Investopedia.com. URL: www.investopedia.com/terms/n/negotiation.asp
3. Falk D. B. (1992) The Art of Contract Negotiation // Marquette Sports Law Review. No. 3(1). Pp. 1–27.
4. Fisher R., Ury W., Patton B. (2011) Getting to Yes : Negotiating Agreement Without Giving in / B. Patton (ed.). Penguin Books, 204 p.
5. Matos N., Sierra C., Jennings N. R. (1998) Determining successful negotiation strategies: An evolutionary approach / Proceedings International Conference on Multi Agent Systems, ICMAS 1998. Pp. 182–189. <https://doi.org/10.1109/ICMAS.1998.699048>
6. Maude B., Maude B. (2014) Negotiation Strategies / In book: International Business Negotiation. Pp. 178–205. https://doi.org/10.1007/978-1-137-27052-8_8
7. McNulty K. (1995) Interest-Based Negotiation. 12 p. URL: [www.maxwell.syr.edu/uploadedFiles/parcc/cmc/Interested-Based Negotiation NK.pdf](http://www.maxwell.syr.edu/uploadedFiles/parcc/cmc/Interested-Based%20Negotiation%20NK.pdf)
8. Miller O. (2014). The Negotiation Style: A Comparative Study between the Stated and in Practice Negotiation Style / Procedia Social and Behavioral Sciences. No. 124. Pp. 200–209. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.02.478>.
9. Paul F. (2020) Virtual Negotiation. URL: www.sbs.ox.ac.uk/oxford-answers/eight-things-know-about-art-virtual-negotiation.
10. Preparing to Negotiate (1998) Vantage Partners LLC. URL: <https://pages.business.illinois.edu/accountancy/wp-content/uploads/sites/12/2016/08/VCC-Preparing-to-Negotiate.pdf>
11. Rivers C. (2003) Ethical Decision Making in Negotiation : a Sino-Australian Study of the Influence of Culture. URL: https://eprints.qut.edu.au/15843/1/Cheryl_Rivers_Thesis.pdf
12. Ronald M. Shapiro (2015) The Power of Nice: How to Negotiate So Everyone Wins — Especially you! John Wiley & Sons.
13. Siedel G. J. (2014) Successful negotiation, essential strategies and skills. Van Rye Publishing, LLC.
14. Simons T. L., Tripp T. M. (1997) The Scholarly Commons The Scholarly Commons / Articles and Chapters School of Hotel Administration Collection. No. 38(1). Pp. 14–23. URL: <http://scholarship.sha.cornell.edu/articles/671/>

Стратегии достижения успешных переговоров в промышленной рыночной экономике в условиях пандемии коронавируса

Чидимма Розмари Нвачакву,

аспирант кафедры национальной экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

Берхан Дебесэй Семерелул,

аспирант кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

Зайнуллин Сергей Булатович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной экономики, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

Целесообразность изучения путей успешного участия в переговорах объясняется их важностью в процессе деловых коммуникаций. Успех бесконфликтной деловой сделки невозможен без удачных переговоров, выгодных всем сторонам, способствующих улучшению отношений между деловыми партнерами. В ситуации продолжающейся пандемии бизнес ведется, хотя и не без проблем, поскольку большинство переговоров сейчас проводятся по Zoom и Teams.

В бизнесе важно избегать любых форм конфликтов, и хорошие переговоры помогают выстраивать лучшие отношения, достижение прочного решения, удовлетворяющего потребностям обеих сторон, а также помогающего избежать проблем и конфликтов, которые могут возникнуть как на текущий момент, так и в будущем.

В данной статье мы пытаемся показать, как быть хорошим участником переговоров, создавая конструктивное взаимодействие, которое принесет пользу обеим сторонам, поскольку переговоры требуют уступок; как переговоры проходят успешно в разгар пандемии, оказывающей негативное влияние на экономические рынки. Мы также объясняем, почему переговоры важны, и покажем стратегии и тактику ведения переговоров; соответствующие вопросы, которые необходимо задать перед переговорами, факторы, которые необходимо учитывать; как решать вопросы, которые могут возникнуть в ходе деловых переговоров; процесс, который следует использовать в случае возникновения трудностей; важное значение использования агента во время переговоров, источников власти и способов, эффективных в переговорах, заключении сделок, создании контрактов и, наконец, юридической составляющей переговоров.

Ключевые слова: успешные переговоры, разрешение конфликта, укрепление доверия, знакомство с каждой стороной, пандемия, рыночная экономика, заключение сделок и удовлетворение каждой стороны.

JEL коды: J500.